

ФЕДЕРИКО АКСАТ

ИДЕАЛЬНАЯ ДОЧЬ

18+

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС»

Федерико Аксат

Идеальная дочь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74541981
Федерико Аксат. Идеальная дочь: Синдбад; Москва; 2026
ISBN 978-5-00131-619-0

Аннотация

Четырнадцатилетняя София исчезла почти год назад. Ее одежду нашли в реке недалеко от моста, полиция считает это самоубийством, а город быстро привык к версии об очередной трагической истории хрупкой девочки, не справившейся с проблемами реальной жизни.

Но родители не верят в то, что их «идеальная дочь», умница и отличница, могла просто «шагнуть в пустоту». Когда убивают юношу, снявшего и распространившего среди учеников школы интимное видео с участием подруги Софии, прошлое возвращается – и начинает задавать вопросы, на которые в городе предпочитали не искать ответа.

За расследование берется переехавшая в эти места известная криминальная журналистка Камила Джонс. И неожиданно обнаруживает связь исчезнувшей девушки с давними событиями своей жизни, которые она тщательно скрывала...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	13
3	25
4	32
5	38
6	45
7	50
8	63
9	70
10	78
11	94
12	100
13	103
14	106
15	108
16	113
17	119
18	124
19	133
20	138
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Федерико Аксат

Идеальная дочь

Federico Axat

La Hija Ejemplar

The Perfect Daughter

Copyright © Federico Axat, 2022

Published in the Russian language by arrangement with
Aevitas Creative Management UK Ltd and Nova Littera
SIA

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd.,
2026

© Издание на русском языке, перевод на русский
язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2026

Посвящается Соле

*Когда ночи нет конца,
А день еще не начался,
Когда комната кружится,
Мне нужна твоя любовь.*

«Hawktmoon 269», группа U2

Часть первая

1

Когда-то Камила Джонс получила две премии «Эмми» за журналистские расследования, а теперь не могла вырастить какую-то жалкую свеклу.

Она смотрела на хилые листочки – всего несколько стебельков, от силы сантиметров по пять. Камила достала из кармана фартука айфон и сфотографировала побеги. «Все плохо», – написала она в *WhatsApp* Маршаллу, который отвечал на острове за садоводство. В последние два года он стал ей почти другом. Маршалл прислал в ответ смайл, смеющийся до слез. Вслед пришло сообщение: «А я говорил».

Камила стояла на склоне и смотрела то на Атлантический океан, простирающийся на восток, то на каналы и болота, отделяющие этот участок земли с пафосным названием от остальной Северной Каролины. И правда, Маршалл ведь ее предупреждал: «Вы сюда хоть лучшую землю в мире привезите – бесполезно, миссис Джонс. Тут морской воздух смешивается с континентальным, вот в чем беда». Маршалл ухаживал за садами на острове больше двадцати лет и знал, о чем говорит. Он часто с тоской вспоминал славные времена своей молодости, когда около тридцати богатых семей пе-

реехали сюда, рассчитывая, что Королевский остров станет элитным местом – чего так и не случилось.

Дом, который купила Камила, уйдя из журналистики, олицетворял это многообещающее прошлое. Стекланный дом, как называли его местные, стоял на самой высокой точке острова. Современное двухэтажное здание с великолепным видом. Верх расточительства для одинокой женщины с собакой.

Пока Камила, качая головой, сокрушалась над свеклой, Бобби наблюдал за ней с другого конца огорода. Бигль по-собачьи тяжело пережил переезд из роскошной нью-йоркской квартиры в... *это*, а теперь взял привычку придирчиво отслеживать каждый ботанический провал своей хозяйки. Пес был уже старым – и переезды не входили в число его любимых занятий, – однако никогда не упускал возможности всем своим видом дать понять, что раньше жизнь была лучше.

Камиле недавно исполнилось пятьдесят два, и она тоже порой скучала по прошлой жизни.

– Идем, Бобби. Ты ведь голодный?

Они спустились по склону и пошли вдоль канала, который обозначал границу их участка с этой стороны. Маршалл говорил, что уже несколько лет не видел здесь аллигаторов, но Бобби иногда смотрел на воду так, словно чуял: кто-то из этих тварей рыскает у самой поверхности. Сейчас он беззаботно семенил рядом.

Камила бодро взбежала на заднее крыльцо. На острове

случались и хорошие, и плохие дни. Сегодняшний, похоже, принадлежал к первым, несмотря на официальное фиаско со свеклой. Она остановилась посреди кухни, раздумывая, приготовить ли завтрак или спуститься в подвал, чтобы побыстрее разделаться с самой трудной из ежедневных задач. Иногда она делала это сразу, а иногда весь день мучилась от мысли, что в какой-то момент спуститься все же придется.

Никогда, даже в самые мрачные минуты, Камила не представляла, что будет так тяжело. Когда она решила бросить работу и уехать из Нью-Йорка, то думала, что нашла лучший – а возможно, единственный – способ покончить с чужими расследованиями и заняться собственным прошлым. У нее достаточно опыта и связей, чтобы самой стать предметом своего расследования, несмотря на все сложности. Много лет она говорила себе, что не оглядывается назад только потому, что у нее нет времени. И в конце концов поверила.

Набравшись смелости, она объявила Ричарду Эмброузу, своему давнему продюсеру и другу, что ей нужно на время уехать подальше от съемочных площадок. На *неопределенное* время, уточнила она. Ричард не удивился: он не раз прикрывал ее во время панических атак и их последствий. Он предложил ей пожить в его доме на Королевском острове и спокойно все обдумать. Но, к его удивлению, Камила решила купить дом и совсем уйти с работы. «Алекс уезжает учиться – лучшего момента не придумать».

Ричард был рад избавиться от дома, который построил по

какой-то нелепой прихоти, став успешным продюсером. Но вместе с домом он потерял и свою лучшую журналистку, лицо «Бремени правды» – одной из самых авторитетных программ по расследованиям в стране.

Камила поселилась в стеклянном доме и первые несколько месяцев просто отдыхала. Читала, смотрела фильмы, занялась садоводством, даже начала немного писать. Она это заслужила. Много лет она работала почти без выходных. Когда наконец она решила взяться за дело и встретиться лицом к лицу со своими призраками, панические атаки возобновились с небывалой силой. Наверное, еще рано, подумала Камила. Отнесла газетные вырезки и кое-какие вещи, которые хранила с юности, в подвал. Стало чуть легче.

Все то же самое повторилось еще три раза, и Камила начала думать, что, пожалуй, копаться в прошлом – не такая уж хорошая идея.

Сыну она сказала, что ушла с телевидения, чтобы взяться за одно старое расследование; правда, не стала уточнять, что расследование это касается ее самой. Алекс изучал право в Бостонском университете. Пару раз в неделю они созванивались по скайпу. Иногда после этих видеозвонков Камила закрывала ноутбук и плакала. Не потому, что не рассказала сыну всей правды – какой в этом смысл? – а потому, что он далеко и нельзя обнимать его каждый день. Камила гордилась своим мальчиком. Она растила его с постоянным чувством вины за то, что проводит с ним слишком мало време-

ни. Теперь в ее распоряжении все время мира, но тратить его не на кого.

Бобби в упор смотрел на нее. Она совсем ушла в свои мысли... так бывает, когда живешь в одиночестве.

«Эй, у тебя вообще-то есть я! И насколько я помню, ты собиралась дать мне Royal Canin».

Она насыпала Бобби корма и направилась к двери в подвал. Забавно, как устроена вселенная. Камила уже собиралась открыть дверь, как вдруг краем глаза заметила движение за окном. Она обернулась и увидела, что через лужайку перед домом идет какой-то мужчина со стопкой папок в руках. Лет тридцати, стрижка каре. Камиле он был не знаком.

Раздался звонок, и Камила всерьез подумала – может, не открывать? Она не любила гостей, особенно незваных.

Нехотя она отперла дверь. Должно быть, молодой человек сразу понял, что ему не рады: выражение его лица моментально изменилось, и он затараторил:

– Здравствуйте, миссис Джонс. Меня зовут Тим Доэрти, я журналист и главный редактор «Хоукмун оверфлай» – это...

– Местная газета, я знаю.

Его губы дрогнули в нервной улыбке.

– Мне нужно поговорить с вами по поводу исчезновения Софии Холмс. У меня...

– Откуда вы узнали, где я живу?

Журналист уже собирался ответить, как вдруг заметил, что одна из трех его папок вот-вот упадет. Он поднял правую

ногу и, балансируя на левой, коленом поправил стопку. Эти неловкие телодвижения вызвали у Камилы жалость.

– У нас в газете надежные источники, – ответил Тим. – Мы с первого дня знаем, что вы здесь живете. Но ни разу об этом не писали.

Камила молча кивнула.

Тим набрал воздуха.

– Я думаю, вы должны взяться за дело Софии Холмс, – торжественно произнес он, словно репетировал эту фразу. И дотронулся подбородком до верхней папки. – Здесь все материалы – более полной информации просто не найти, миссис Джонс.

Камила взглянула на папку. Отметила ее внушительное содержимое, представила вырезки из газет, листки с записями, фотографии и ксерокопии с информацией по делу. Камила была журналисткой старой закалки, и такая папка сразу вызывала у нее живой интерес. Должно быть, Доэрти на это и рассчитывал, потому и притащил свои папки прямо к двери, хотя мог бы оставить их в машине.

– Я не собираюсь братья ни за какое расследование, – наконец ответила Камила. – Мне жаль, что вы напрасно проделали такой путь.

Тим вздохнул.

– Вы ведь знаете, что это за дело?

Камила имела лишь общее представление. Она намеренно не следила за новостями по делу Холмс, потому что по-

нимала: иначе увлечется не на шутку. София пошла с друзьями в кино, но перед самым началом фильма сказала, что у нее есть дело, и больше не вернулась. Позже ее видели у моста Катенари, а полиция нашла в реке обрывок ее платья. Это подкрепило версию о самоубийстве. Но те, кто знал Софию, четырнадцатилетнюю девочку, у которой было все, в один голос заявляли: она не могла покончить с собой.

– Я знаю то же, что и все. – Камила пыталась вспомнить имя своего собеседника. – Послушайте, Тим, меня это не интересует. Ни дело Софии, ни какое-либо другое. Поэтому я здесь. Вы же понимаете?

– Да, конечно.

– Я вынуждена попросить вас уйти.

Тим смотрел на нее с отчаянием.

– Пять дней назад кое-что произошло, – сказал он упавшим голосом. – Мы об этом еще не писали. Кэролайн Холмс, мать Софии, нашла на входной двери записку. Соседи тоже ее видели, но никто не прочел. Через пару дней Кэролайн упала с балкона. Сейчас она в коме.

А вот это уже похоже на попытку самоубийства, подумала Камила.

– Я не знала. Очень печально. – Она сурово смотрела на журналиста.

Тим поправил папки, которые снова норовили упасть.

– Простите, что вот так нагрязнул, миссис Джонс. Можно я оставлю вам свой номер на случай, если вы передумаете?

- Это лишнее. Если понадобится, я знаю, как вас найти.
- Тогда хорошего дня, миссис Джонс.
- И вам. Осторожнее на ступеньках.

Камила закрыла дверь. Вернувшись на кухню, она достала из кармана телефон и наскоро загнутила имя Тима Доэрти. Первые же результаты подтвердили: он действительно тот, за кого себя выдает. Одна ссылка привлекла ее внимание: «Мать и дочь погибли при странных обстоятельствах». Камила подняла голову и увидела удаляющуюся фигуру Тима: тот шел словно по канату, не отрываясь от своих папок и не глядя под ноги. Камила знала, что сейчас произойдет, еще до того, как Тим споткнулся правой ногой о поливалку и упал лицом в траву.

Камила Джонс впустила Тима Доэрти в дом не из жалости, хотя именно жалость она ощутила, глядя, как тот, с красным как помидор лицом, поспешно поднимается на ноги и собирает разлетевшиеся по лужайке листья. И не из-за того, что она прочла о нем в интернете минутой раньше. Конечно, и то и другое повлияло на ее решение, но главная причина была куда проще: Камила доверяла своей интуиции. Чутье ни разу не подводило ее в работе (в личной жизни все было сложнее, но там другие законы), и теперь она ясно видела: молодой журналист говорит искренне. В «Бремени правды» на самых громких делах Камила собирала десятиmillionную аудиторию. Кто бы мог подумать, что она согласится сотрудничать с неизвестной провинциальной газетенкой? Такой поворот был одновременно и нелепым, и заманчивым.

Когда они вошли, Бобби приветствовал Тима с безудержным ликованием: любой новый человек напоминал ему о прогулках по бостонскому городскому парку среди десятков незнакомцев.

– Вы точно не вывихнули лодыжку?

Тим исключал такую вероятность. Он не прихрамывал. По крайней мере, пока.

– Садитесь. Я принесу лед.

– Не надо, правда. Спасибо большое!

Тим положил свои папки на журнальный столик рядом с книгой, из середины которой торчала закладка. Это был роман Бьой Касареса «Изобретение Мореля» в оригинале. Тим опустил в кресло, Камила присела на диван напротив.

– Вы же понимаете, раз я так живу, – она жестом обвела комнату, – значит, мне важна приватность.

– Да, конечно.

– И все же вы решили прийти.

– Я действительно считаю, что вам стоит меня выслушать.

– Мне кажется, я уже дала понять, что готова.

Тим уселся поудобнее.

– Скоро будет год с тех пор, как исчезла София Холмс, – начал он. – Полиция не закрывает дело, потому что не хватает улик. Но они уверены, что София утонула. Если дело не раскрыли до сих пор, значит, не раскроют уже никогда. Вы это знаете лучше меня.

Камила пожала плечами:

– Как скажете.

– Вот дело Холмс, – продолжал Тим, подняв левую ладонь, словно держал в ней невидимый шар. – А вот вы, миссис Джонс. – Еще один невидимый шар появился в его правой руке. Тим взвесил шары и приблизил друг к другу. Казалось, он их видит. – Для меня все просто. Я не знаю, почему вы решили тут жить, но вижу в этом скрытый смысл.

Камила печально покачала головой.

– Вы же знаете статистику, сколько детей пропадает каж-

дый день, – сказала она. – С тем же успехом я могла бы поселиться в любом уголке страны.

– Тут особый случай, – замотал головой Тим. – Слишком много неизвестных. Этот убитый парень. Теперь мать в коме. Кто-то знает то, чего не знаем мы. Я уверен, надо найти нужную ниточку и тянуть за нее, пока тайна не раскроется. Главное – дело должно оставаться живым. Если к нему подключитесь вы, это будет как разряд тока.

– Вы такой молодой, а уже главный редактор газеты.

Тим слегка опешил от резкой смены темы.

– Поверьте, миссис Джонс, здесь нет моей заслуги. Прощлый редактор ушел на пенсию, и никто не захотел брать на себя инициативу.

– Вы скромничаете.

– А вы ловко уходите от темы.

Камила улыбнулась.

– Разве? Я думала, смысл как раз в том, чтобы я сотрудничала с вашей газетой.

Ее слова явно задели Тима. В его взгляде постоянно сквозила какая-то печаль и временами становилась отчетливее. Камила засомневалась: может, она сама это придумала под впечатлением от того, что недавно прочитала о молодом журналисте?

– Мне бы и в голову не пришло, что вы можете опуститься до работы в «Оверфлай». Я не настолько глуп. Я здесь, потому что вы нужны Софии, независимо от того, жива она

или нет. И никто не знает об этом деле больше, чем я.

Тим наклонился и опустил руку на папку, словно собирался принести присягу.

Камила смотрела на него со смесью интереса и удивления. В Тиме Дозерти была определенная наивность, но в то же время он казался крайне уверенным в себе.

– Я не знаю, почему вы решили бросить профессию, но добросовестность и преданность своему делу никуда не деваются. По крайней мере, я в это верю. Кто-то должен взяться за дело Софии. Иначе зачем вы здесь, миссис Джонс?

По лицу Тима было видно, что он сам в ужасе от собственной наглости. И все же он не отступил.

Камила встала. Немного помолчала – возможно, намеренно, – и в эти пару секунд Тим был уверен: его визит окончен.

– Кофе будете? – наконец спросила она.

Тим уставился на нее.

– Да, спасибо, – выдавил он.

Камила вышла на кухню и через несколько минут вернулась с подносом. Она поставила его на журнальный столик, и Тим принялся с любопытством разглядывать его содержимое. Кроме чашки кофе там стоял термос, а рядом – деревянный грушевидный сосуд. В нем было что-то очень похожее на навоз, а оттуда, как антенна, торчала сантиметров на десять металлическая трубочка.

– Это *мате*. – Камила объясняла одно и то же тысячи раз. – В Аргентине его пьют почти все. Вы ведь знаете, что

я там выросла? А трубочка называется *бомбилья*.

На лице Тима застыло озадаченное выражение. Камила осторожно перемешала бомбильей содержимое сосуда, потом легонько постучала доньшком по столу. Взяла термос и стала наливать оттуда горячую воду.

– Мате не должен кипеть, – объясняла она, тонкой струйкой наполняя свой диковинный сосуд.

– А из чего он?

– Парагвайский падуб. Растет в Южной Америке. Листья измельчают, и получается горький напиток.

Камила взяла бомбилью в рот и сделала несколько глотков. Потом снова долила воды и протянула сосуд Тиму:

– Хотите попробовать?

Камиле нравилось наблюдать за ужасом в глазах людей, когда она впервые предлагала им мате. Прежде чем Тим придумал, как отвертеться, она пояснила, что в Аргентине принято пить мате из одного сосуда, и в некоторых ситуациях отказываться просто неприлично. И да, иностранцы от такого в шоке.

Для Тима все это звучало как новости об инопланетной цивилизации. Он поглядывал на Камилу с недоверием, словно ждал подвоха. Потом уткнулся в спасительную чашку дымящегося кофе и с наслаждением сделал глоток. Восхитительно. Кому вообще понадобилось пить настой из горьких перемолотых листьев?

– Прежде чем я вас выслушаю, Тим, вы должны понять: я

не передумаю, – вернулась к теме Камила. – Я выскажу свое мнение, возможно, дам пару советов, но не более того. Это понятно?

Тим не возражал. Не то чтобы у него был выбор.

– Может быть, вы передумаете, когда узнаете подробности.

– Уверяю вас, нет, – отрезала Камила. – А теперь рассказывайте, что там произошло с матерью этой девочки, пока я не пожалела.

Тим наклонился и взял одну из папок. Понял, что ошибся, и взял другую. Бобби, наблюдавший за ними издали, заинтересовался процессом, подошел и стал обнюхивать руку журналиста. Камила заметила на безымянном пальце Тима крупное серебряное кольцо.

– Кэролайн Холмс нашла соседка. Женщина лежала во дворе без сознания – упала с балкона в своей комнате.

Тим сделал паузу и достал из папки большую фотографию. Камила успела заметить тело, распростертое на красной плитке.

– Я не хочу на это смотреть, – остановила она Тима.

Он тут же убрал снимок.

– В день, когда... это произошло, Кэролайн не пошла, как обычно, на пробежку, а осталась дома. Филип Холмс потом рассказал полиции, что накануне они с женой поссорились – возможно, это как-то повлияло на поведение Кэролайн. Повидимому, она договаривалась об интервью с Винсом Наро-

дицким, а Фил был против.

Услышав эту фамилию, Камила поджала губы. Она не виделась с Народицким уже несколько лет – и так было лучше для всех, – но одна мысль о нем по-прежнему вызывала у нее рвотный рефлекс. Давным-давно, в другой вселенной, они с Винсом были друзьями. Или кем-то вроде того. Сложно строить отношения с человеком, у которого эго размером с Гибралтарскую скалу. Камила и Народицкий были коллегами. Они никогда не работали на одном канале, но мир тесен, и время от времени они пересекались. Из-за таких людей, как он, Камила ушла из профессии.

– Вот уж кто точно захочет взяться за дело Софии, – пробормотала она.

Тим сразу понял иронию.

– Если позволите, я зачитаю отрывок из показаний его секретарши.

Он открыл папку и пролистал несколько страниц.

– Мисс Карин Молдоу заявила, цитата: «Кэролайн Холмс говорила мне, что собирается рассказать всю правду, даже то, о чем до сих пор молчала. Еще она сказала, что у нее есть причины передумать, но она этого не сделает».

Тим закрыл папку.

– У меня есть сводный брат, – продолжал он. – Его зовут Джон, он на двенадцать лет меня старше. Живет в Колорадо. В школе они с Филом Холмсом были лучшими друзьями. Сейчас уже нет – расстояние и все такое... В общем, я знаю

Фила, не раз с ним общался. Он мне, можно сказать, доверяет. Фил уверен, что его жена не рассказала бы Народицко-му ничего нового, она просто пыталась хоть как-то оживить дело.

– И вы ему верите?

Тим помедлил.

– Верю, что он не знал, о чем собиралась говорить его жена. Но Кэролайн Холмс умная женщина, и я уверен: в этом эксклюзиве она бы рассказала что-то важное. Мне кажется, она не из тех, кто станет поднимать шумиху на пустом месте.

– Что ж, должна вам сказать, – отозвалась Камила, – что я тысячи раз видела, как родственники жертв идут на что угодно, лишь бы удержать свои истории на плаву. Это, наверное, самое тяжелое в расследованиях, по крайней мере для меня.

– Вы поэтому отошли от дел? – спросил Тим.

– Не только. Продолжайте.

Камила принялась готовить себе новую порцию мате.

– Нам неизвестно, собиралась ли Кэролайн рассказать в этом интервью что-то новое или нет, – продолжал Тим. – Полиция тоже не знает. Ясно одно: в то утро, когда Кэролайн упала с балкона, произошло что-то странное. Она нашла записку на входной двери и сильно разнервничалась. Это подтвердили несколько свидетелей, в том числе соседка, которая хорошо ее знала.

– Но вы говорите, записку никто не читал.

– Именно. Все видели ее только издалека. Важная деталь:

она была прибита гвоздем.

Эта подробность заставила Камилу задуматься. Хотя она и не пристально следила за делом, ей было известно, что оно связано с убийством Дилана Гаррета, школьного хулигана, который портил жизнь Софии и ее друзьям. Парень погиб от удара молотком по голове. Самые абсурдные теории предполагали, что это была тщательно спланированная месть со стороны девочки.

– Гвоздь там был не случайно, – подтвердил ее мысли Тим.

Камила все острее ощущала знакомый азарт, который возникал всякий раз, когда она пыталась сложить в единую картину бессмысленные на первый взгляд фрагменты.

– Об этом писали?

Тим покачал головой:

– Нет, но очень скоро это везде просочится.

Камила вдруг почувствовала странную близость к Тиму, словно давно его знала.

– Вы думаете, София может быть жива? – спросила она в лоб.

Журналист вздохнул.

– Давайте я сначала скажу вам, чего я *не* думаю. – Он помолчал. – Я не думаю, что София покончила с собой, прыгнув с моста Катенари. Но это не значит, что я верю в теории про месть. Сами посудите: София убегает из дома, несколько месяцев скрывается неизвестно где, а потом убивает Ди-

лана Гаррета молотком? Не слишком правдоподобно. – Тим потер подбородок: он делал так уже минимум дважды за весь разговор.

– Согласна, логики никакой. К тому же, насколько я понимаю, полиция уже задержала убийцу Гаррета.

– Да. Возможно, это единственное, что они сделали как следует.

Тим положил руку на папки, словно в них были все ответы.

– Все, что я выяснил, – здесь. Записка, которую получила Кэролайн, говорит о том, что мы чего-то не знаем. Кэролайн собирается дать интервью, вдруг появляется записка, Кэролайн в панике, а через пару часов падает с балкона и чудом остается жива. Полиция считает, что это несчастный случай.

– С балконов просто так не падают. Либо она спрыгнула, либо ее толкнули.

– Что я могу сказать, миссис Джонс? Женщина жива. Полиция не будет расследовать то, о чем она и сама расскажет, когда очнется.

– В каком она сейчас состоянии?

– В критическом.

Камила задумалась. Обвела взглядом гостиную и засмотрелась в одно из огромных окон.

– Давайте я вам кое-что покажу, – сказал Тим.

Увидев, что он снова открывает папку, Камила напряглась.

– Не волнуйтесь, там ничего такого, – успокоил ее журналист.

Он достал три фотографии и разложил их на столе. Камила скользила по ним взглядом, не понимая, куда смотреть.

– Эти снимки из дома Холмсов, – пояснил Тим. – Но поверьте, их никто не хватится. Полицию интересует только сад и балкон.

Камила снова принялась разглядывать фотографии. Как будто ничего необычного. Тим указал на какой-то предмет на круглом столике у дивана.

– Пульт, – разглядела Камила.

– А на спинке дивана плед, – добавил Тим. – Кэролайн любила уютно посидеть с бокальчиком за сериалом. Этим она и занималась накануне. Посмотрела две первые серии «Грешницы».

Камила молчала. Она прекрасно понимала, к чему ведет Тим, но он все равно произнес это вслух:

– Кто начинает смотреть сериал, если на следующий день собирается покончить с собой?

Несколько секунд оба молчали.

– Та записка каким-то образом нарушила планы Кэролайн Холмс, – наконец произнес Тим.

– Как вы узнали, что накануне она смотрела телевизор?

Тим потер подбородок.

– Как я уже сказал, у меня хорошие отношения с Филом. Я попросил его показать мне историю просмотров. Сначала

он не хотел, но в конце концов согласился.

Камила задумалась.

– Думаю, вы правы: здесь действительно что-то неладно, – наконец сказала она. – Доводы в пользу самоубийства слишком слабы: платье могли специально подбросить в реку, чтобы его нашла полиция. Записка, которую получила мать, и ее падение как-то связаны. Но это вы и без меня знаете. Единственное, что я могу сказать, – если Народицкий возьмется за это дело, то не для того, чтобы добиться правды.

– Боюсь, что так, – вздохнул Тим.

Он помолчал пару секунд.

– Есть еще кое-что, миссис Джонс. Я бы хотел, чтобы вы услышали это перед тем, как принять решение...

– Я уже приняла решение.

– Позвольте мне все равно сказать. Я точно знаю, что София не покончила с собой на том мосту. Потому что я сам видел ее в тот день.

Одной из причин, почему Камила любила приезжать к Эдуардо Ольгине, было то, что старик никогда не спрашивал ее о работе. Казалось, он даже не знает, что она работала на телевидении. Или хорошо притворяется.

Камила была не Дженнифер Лопес и спокойно могла пройти по улице без того, чтобы на нее кидались люди. Конечно, ее узнавали и проявляли определенный интерес, но всегда в рамках приличий. В погожий день, надев солнечные очки, она могла оставаться незамеченной и наслаждаться анонимностью. В зависимости от того, где она находилась, к ней могли подойти максимум один-два раза за день. Такая доза славы ее не тяготила. Диалоги в основном были дружеские, она отвечала на пару вопросов (в последнее время – одних и тех же), и все.

«Почему вы уволились? Вы сейчас в отношениях? Собираетесь вернуться в „Бремя правды“?»

Неприятных эпизодов почти не случалось. Только однажды в ресторане к ней подошла какая-то женщина и спросила, правда ли, что у нее рак. Когда Камила отказалась отвечать, любезность женщины растаяла на глазах, и она начала буквально требовать ответа, аргументируя тем, что Камила публичная личность и телезрители имеют право знать. Разговор перешел в крики и взаимные обвинения, а Камила об-

наружила, что совсем не умеет справляться с вторжением в свое личное пространство.

С Эдом можно было расслабиться. Для него Камила была еще одной *соотечественницей*, которая приезжала к нему в магазинчик за листьями падуба для мате и за соусом дульсе де лече. Эд жил в Штатах уже почти сорок лет. Из Аргентины он сбежал в двадцать пять и больше не возвращался. Непростые были времена, печально и задумчиво говорил он порой Камиле. «Ты-то была совсем крошкой, а вот старики твои точно все помнят».

Магазинчик «Вкус Аргентины» Камила нашла благодаря интернету. Внук Эда занимался поставками и писал в соцсети о новых поступлениях. Когда Камила решила переехать со своим псом на крошечный остров, то многого не предусмотрела, в частности – как она будет добывать аргентинские продукты, которые в Нью-Йорке помощница закупала для нее в специализированном магазине. Эд стал ее спасением.

Камила с удовольствием ездила за тридцать километров в Леланд, городок в округе Брунsvик, к западу от Уилмингтона. Завидев ее «мерседес» с откидным верхом, Эд расплылся в улыбке. Возможно, он точно так же радовался каждому приезжающему к нему аргентинцу, но Камиле нравилось думать, что у них с Эдом особая связь. «Добро пожаловать к черту на рога», – говорил он, раскрывая объятия.

Эд как-то признался Камиле, что не вернулся в Аргентину из-за страха, и она понимала его как никто.

– Камила, моя ты дорогая! – воскликнул старик на этот раз.

Он немного прихрамывал, но умудрился подпрыгнуть от радости.

– Как поживает мой любимый портеньо¹? – приветствовала его Камила на уже не безупречном испанском.

Шэрон, девушка, помогавшая Эду в магазине, уже привыкла к этим певучим диалогам, из которых понимала от силы пару слов.

Эд, как всегда, пригласил Камилу в подсобку. Там, за го-рами коробок, скрывалась скромная кухонька. Старик поставил на плитку чайник для мате. Прежде чем засыпать в сосуд листья падуба, он с гордостью показал гостье упаковку.

– Новый бренд?

– Самый лучший, – отозвался он, осторожно вытряхивая измельченные листья из пачки. – Комар носа не подточит.

Эд любил пощеголять поговорками.

Пока грелась вода, он присел рядом с Камиллой на углу квадратного стола, тоже заваленного коробками.

– Прости за беспорядок, – извинился он, – тут как в гнезде удода. У нас сегодня поставка, и Шэрон все утро едва успевает покупателей обслуживать и заказы паковать. Я уже не справляюсь, как раньше.

– Опять спина?

– Да. То получше, то похуже. Сегодня вот похуже.

¹ Испанское название жителя или уроженца портового города.

Когда вода закипела, Эд приготовил первый мате и протянул его Камиле. Та подождала, пока он немного остынет, а потом принялась потягивать через бомбиллю. Ощутила горький вкус горячего напитка и одобрительно кивнула. Чайник, который Эд ставил для гостей, был небольшим, ровно на восемь порций мате, и беседы за ними длились примерно по полчаса. Мате – превосходный метроном.

– Эд, можно тебя кое о чем спросить? – Камила передала ему напиток.

Услышав ее серьезный тон, старик приподнял бровь.

– Слушаю...

– Почему ты не вернулся домой?

– А, так ты сегодня не с легким сердцем... – Эд ничуть не обиделся на вопрос. – Ну, смотри, потом и я тебя о том же спрошу.

Камила улыбнулась.

– Что ж, дай-ка подумать, – размышлял Эд, – не возвращался, наверное, чтобы не понять, что ошибся. Иногда мне снятся сны... Район Де Флорес, площадь в квартале от моего дома, где мы мальчишками в футбол гоняли, мелочи всякие – свист точильщика, что по воскресеньям приходил, и запах сэндвичей-чорипанов. Я ведь с тех пор больше их никогда не ел... все равно лучше тех, из детства, не найти.

Камила задумалась: она тоже уже много лет не ела этих громадных колбасок, зажатых между двумя половинками хрустящей булки.

– А ты почему спрашиваешь? Подумываешь вернуться?
Камила нахмурилась.

– Ну уж нет. Теперь моя жизнь здесь. Алекс в университет поступил.

Эд кивнул.

– Что же тогда?

– Не знаю. Я вот думала по дороге... Люди вроде нас с вами – те, кому пришлось уехать из своей страны, – наверное, они как-то научаются убеждать самих себя? Чтобы не мучиться.

Эд пристально посмотрел на нее.

– Ты не говорила, что тебе пришлось.

– Ну, это так, фигура речи. И история для другого раза.

Эд кивнул.

Камила протянула ему пустой сосуд.

– Вот что я тебе скажу, – проговорил Эд, снова заливая листья струйкой горячей воды из чайника. – В то время, когда я собрался бежать, я читал книжку, «Сердце тьмы» Джозефа Конрада. Уезжал я в спешке, в чем был. Закинул в чемоданчик кое-какую одежду и зачем-то взял несколько книг, в том числе и эту. Но так ее и не дочитал. Она стоит у меня в шкафу, на одной странице загнут уголок. Закладками тогда как-то не пользовались.

– Так и не дочитал? – удивилась Камила.

– Нет. Не спрашивай почему. Не раз собирался, но уголок по-прежнему загнут на той же странице, что и полвека назад.

Стало быть, может, ты и права: от разлуки с родиной в нас навсегда остается шрам...

– Который не дает оглядываться назад, – закончила Камила.

Эд кивнул, потягивая последнюю порцию мате.

Они побеседовали еще немного, но уже на более обыденные темы. Когда Камила собралась уходить, Эд порывлся в коробках и протянул ей небольшую квадратную пачку.

– Новая «Гавана». Семьдесят процентов какао. Дарю.

При виде печенья альфахорес Камила просияла.

– Должно быть, просто вкуснятина.

– Так и есть. А ты знаешь, что альфахорес теперь везде продаются?

– Не знала. Раньше за одной коробочкой надо было ездить на побережье, и стоили они целое состояние.

– Вот видишь? Старый Эд ерунды не скажет.

Они вернулись в магазин, и Шэрон отдала Камиле заказ; его должно было хватить на четыре-пять недель.

На прощание Камила и Эд обнялись. Старик сказал, что будет ждать ее снова, и поспешил обратно в подсобку, подволакивая левую ногу. Камила глядела на закрывшуюся за ним дверь со странным беспокойством.

Шэрон выжидающе смотрела на нее с другой стороны прилавка. Камила провела кредиткой по терминалу и, пока печатался чек, взглянула на стопку местных газет. Взяла верхнюю и положила перед собой на прилавок. В нижнем

углу была фотография Софии Холмс и подпись: «Ангел или демон? Что узнала ее мать перед несчастным случаем?»

Несколько секунд Камила разглядывала фото. Потом подняла глаза. Шэрон не отрываясь смотрела на нее. Было ясно: девушка прекрасно знает, кто перед ней.

Камила всегда была совой. В студенчестве она обнаружила, что после полуночи начинает мыслить яснее. В это время, под уханье ночных птиц, шум крыльев летучих мышей и стрекотание сверчков всегда происходило что-то магическое. Еще в детстве, оставаясь с ночевкой у бабушки, Камила притворялась, что уснула, а сама вставала глубокой ночью и бродила по дому. В то время там жил рыжий кот по кличке Косо. Ласковый лентяй днем, по ночам он превращался в плутоватое существо, которое только и мечтало забраться на крышу и устроить потасовку с другими котами. После этих сражений он возвращался с закрученными усами и свалявшейся шерстью, а Камила ждала его в спальне с открытым окном. Иногда, если ночь была теплой, она пробиралась на задний двор и поджидала кота, сидя на пластиковом стуле с фонариком и печеньем. Когда Косо с полузакрытыми глазами, неверной походкой наконец возвращался домой, Камила провожала его до плетеной корзины и смотрела, как он засыпает, погружаясь в сновидения о новых баталиях на крышах.

На Королевском острове Камила вернулась к ночному режиму. Много лет она жила в квартире с круглосуточным наблюдением и новейшими системами безопасности и поначалу опасалась, не будет ли ей неуютно совсем одной. Алекс был уверен, что она не выдержит, и умолял подумать как сле-

дует, прежде чем полностью изолироваться от мира. Камила понимала, почему тревожится сын: он всю жизнь провел в бетонных джунглях и не представлял, как можно жить иначе. Но для нее это было точно возвращение к корням.

Вечером, после визита Тима Доэрти, Камила сидела за столом на террасе и читала газету из магазина Эда. Бобби, который крайне неохотно сопровождал ее в такие вечера, при каждом крике гагары поднимал голову и смотрел на хозяйку усталым и жалобным взглядом. *«У тебя огромный дом со всеми удобствами. Может, объяснишь, зачем торчать на улице, где туча мошек?»*

Когда Камила читала книгу, то крепила к страницам специальную лампочку на батарейках. Но для газеты пришлось включить верхний свет, и на него слетелась целая стая насекомых. Камила рассеяннo от них отмахивалась.

Рядом на столе лежала папка, которую оставил ей Тим Доэрти. Камила не собиралась менять своего решения, но журналист просил ее – почти умолял – при возможности взглянуть на содержимое папки.

Она была открыта на первой странице.

Там описывалась краткая хронология событий за несколько часов до падения Кэролайн Холмс. Карандашом и без особых подробностей. На полях – пометка: «Где записка, которую нашла Кэролайн?»

Камила принялась читать. Облако насекомых становилось все гуще, оглушительно стрекотали сверчки.

Вдруг на ее запястье завибрировали умные часы, и появилось сообщение от Алекса: «Созвонимся?»

Камила улыбнулась. Она научилась отпускать контроль над сыном, но это было сравнительно недавним достижением. Когда он только начал подолгу гулять с друзьями, она места себе не находила и постоянно ему звонила. Нет лучшего способа испортить отношения с подростком, чем названивать ему по несколько раз в день и спрашивать, чем он занят. Работает безотказно. Камила мучилась и ничего не могла с собой поделать. Алекс говорил, это из-за ужасов, которые она каждый день видит в расследованиях, – возможно тут он был прав, – и она должна ему доверять. Камила полностью доверяла сыну, но все равно не могла перестать прокручивать в голове кошмарные сценарии.

Со временем она научилась справляться с жуткими мыслями. Теперь каждый раз, когда Алекс предлагал созвониться сам, Камила праздновала маленькую личную победу.

Она вернулась в гостиную и открыла ноутбук. Алекс звонил из комнаты в общежитии. Он был в очках для чтения.

– Привет, мам.

Алекс наклонился к экрану. У него были ее миндалевидные глаза, все остальное – от отца. Он искал что-то глазами.

– Он тут, – опередила Камила вопрос сына. Она наклонила ноутбук так, чтобы в кадр попал Бобби.

– Привет, дружок!

Бигль без особого энтузиазма повилял хвостом.

– Мам, ты включила сигнализацию?

– Да. Сижу взаперти с четырех часов.

– Очень смешно. Что делала?

– Да так, читала. А ты?

– Пытаюсь учиться. – Он покачал головой. – Скучотища.

Камила кивнула. Алекс изучал право, как его отец. Он был на первом курсе, и дела у него оставляли желать лучшего.

– Не хочу быть занудой, но ты знаешь, что я скажу. Не ищи ответы *снаружи*.

– Да, я и сам об этом думаю, правда. Пока не до конца понимаю. Ну а ты?

– Что – я?

Алекс улыбнулся.

– Чем ты там занимаешься, на этом острове?

Он задавал этот вопрос тысячи раз. Шутил, что если будет постоянно спрашивать, то однажды застигнет ее врасплох и она скажет правду. Камила всегда отвечала одно и то же: она устала от публичности и теперь расследует старые нераскрытые дела. Отчасти так оно и было.

– У меня тут куча разных занятий. Огород...

Алекс хмыкнул.

– Смешно.

– ...и еще я учусь готовить.

– *Очень* смешно. – Алекс пригляделся. – У Бобби вид как перед расстрелом.

– Бедняга никак не смиритяся.

Камила наклонилась, подхватила Бобби и поднесла его к камере, чтобы еще раз показать Алексу. Пес и правда выглядел страдальцем.

– Так еще хуже, – засмеялся Алекс. – В глазах мировая скорбь.

Камила опустила Бобби на пол. Когда она снова взглянула на экран, Алекс уже не улыбался.

– Друзья меня спрашивают, почему ты переехала, а я не знаю, что отвечать. – Он посмотрел вверх, словно пытался собраться с мыслями. – Ну, то есть проблема не в том, что мне нечего сказать другим, а просто, кажется, я *сам* не до конца понимаю. Ты ведь любишь свою работу, добилась успеха...

Камила вздохнула.

– Алекс, просто так надо. Я об этом и говорю: ответы внутри тебя. Возможно, другие не поймут, но главное – чтобы понимал ты.

Алекс промолчал. Все самое важное они сказали друг другу без слов, одними глазами. Камиле хотелось спросить про Кэсси, девушку, с которой Алекс встречался уже несколько месяцев (предполагалось, что Камила почти ничего о ней не знает, но она тайком проводила тщательные расследования в интернете). Но здесь тоже работало правило «задавать как можно меньше вопросов», поэтому Камила закусила губу и сказала себе: в другой раз.

Они поговорили еще немного и попрощались. Всякий раз,

закрывая ноутбук после разговора с Алексом, Камила ощущала безысходную пустоту. В эти секунды ей казалось, что у нее больше нет сына.

Спустя полчаса она вернулась на террасу с чашкой горячего кофе и папкой Тима Доэрти. Бобби посмотрел на хозяйку с ужасом и на сей раз за ней не пошел.

Камила позвонила Тиму на следующее утро, в девять часов.

– Тим, это Камила Джонс.

Пауза.

– Миссис Джонс! Рад вас слышать.

– Я прочла большую часть вашего расследования, – без предисловий начала она. – Вы проделали отличную работу. Возможно, я поторопилась с ответом.

Из трубки доносился шум улицы, потом послышался стук закрывающейся двери.

– Я не вовремя? – спросила Камила.

– Нет-нет, я как раз вхожу в редакцию. Просто очень неожиданно.

– Понимаю. Вчера я уверяла, что не собираюсь участвовать в расследовании, а сегодня звоню, чтобы объявить прямо противоположное. Поверьте, такое со мной нечасто случается.

– Я безумно рад, что вы решили подключиться к расследованию.

Прежде чем Тим успел добавить что-то еще, Камила заговорила сама:

– Тим, мой метод работы не обсуждается. Да, я включусь в дело, но сначала мне надо как следует во все погрузиться. Я

поговорю со своим продюсером и скажу, что хочу расследовать исчезновение Софии. Он будет в восторге, но обещать я пока ничего не могу. Тем временем мы с вами начнем работать вместе, а значит, все, о чем вы захотите написать в своей газете, сначала надо будет согласовать со мной. Я буду прислушиваться к вашему мнению, так как вы хорошо знакомы с делом и понимаете специфику «Хоукмуна», но последнее слово всегда остается за мной. Есть возражения?

Ответа не последовало. На другом конце линии открылась и закрылась дверь, послышался звон упавших ключей. Камила представила, как Тим за ними наклоняется.

– Я надеялся, мы сможем действовать скорее как... команда, – наконец произнес он.

– Так и будет, но если возникнут разногласия – а это, поверьте мне, обязательно произойдет, – окончательное решение за мной.

Даже через телефон Камила ощущала растерянность молодого журналиста.

– Послушайте, Тим, вы не должны давать ответ прямо сейчас. Обдумайте все спокойно.

– Дело не в этом. Вы думаете, ваш продюсер заинтересуется?

Камила не сомневалась. Ричард сам не раз просил ее взяться за какое-нибудь дело.

– Но сейчас я хочу понимать, сможем ли мы выйти с этой историей на национальный уровень, если понадобится.

– Да-да, конечно.

– Тогда давайте встретимся завтра и обсудим план действий.

Тим молчал.

– Вы тут?

– Да. Мне очень жаль, но завтра не самый подходящий день. – Его голос утратил прежний энтузиазм. – Может быть, послезавтра? Пообедаем в «Моллис».

– Я бы предпочла место потише, – сказала Камила. – Можно мне прийти к вам в редакцию?

– Разумеется.

– Отлично. Тогда увидимся в десять.

– Договорились. – Тим помедлил. – Миссис Джонс, можно спросить?

– Слушаю.

– Почему вы передумали?

Камиле не хотелось начинать деловые отношения со лжи, но ее ответ был настолько неопределенным, что мало чем от лжи отличался.

– Кое-что в этом деле заинтересовало меня лично.

Тим снова умолк. Конечно, ему хотелось спросить, что конкретно Камила имеет в виду, но он этого не сделал.

Положив трубку, Камила взглянула в окно. Маршалл в синем комбинезоне и соломенной шляпе стриг газон. Он приветственно поднял руку, и Камила помахала ему в ответ. Голова у нее шла кругом. Она не до конца осознавала, что сей-

час сделала. Разговор с Доэрти запустил в ней какой-то механизм. Долгим нажатием на цифру «два» она вызвала номер Ричарда Эмброуза.

– Камила?

– Привет, Ричард.

– Сегодня мой день рождения?

– Ха-ха. Очень смешно.

Ричарду было шестьдесят шесть лет. В нем уживались две личности: одна спокойная и рассудительная, другая – активная и эмоциональная. Секрет его успеха заключался в их мирном сосуществовании в одном теле. Его девиз звучал так: «Девяносто процентов – голова, еще десять – слабоумие и отвага». Ричард как никто умел лавировать в просторах мультимедиа; эта черта, как и многие другие, восхищала в нем Камилу.

– Ричард, я хочу вернуться. Ты слышал про дело Софии Холмс?

Повисла тишина. Что-то изменилось: Камила почувствовала это через без малого тысячу километров.

– Ричард?

– Да, я знаю это дело, – коротко ответил он.

Камила оторвала телефон от уха, чтобы проверить, не прервался ли звонок.

– Ты объяснишь, что происходит?

Ричард вздохнул.

– Камила, для меня нет большего счастья, чем узнать, что

ты возвращаешься – хоть на одно дело, хоть на десять минут, неважно. Но ты должна кое-что знать.

– Я слушаю.

– Прежде всего я прошу тебя хранить все в тайне. Если что-то просочится, меня подвесят за яйца. Мы сейчас ведем переговоры с Винсом Народицким, чтобы он перешел в «Бремя правды».

Камила ощутила легкую боль в груди и машинально опустилась на стоящий рядом стул. Глотнула воздуха.

– Камила, все в порядке?

Нет, не в порядке. Она собралась с силами и встала. С телефоном в руке подошла к двери и вышла на террасу. Боль в груди не утихала. Камила посмотрела на небо.

Ричард все настойчивее повторял вопрос.

– Все нормально, – наконец проговорила она, прислонившись к деревянному столбу.

Маршалл выключил газонокосилку и смотрел на нее. Камила показала ему большой палец.

– Уверена? Прости, что раньше тебе не сказал. Все произошло совсем недавно.

– Народицкий? – спросила Камила, не в силах оправиться от шока.

– Камила, мне очень жаль. Нам надо менять курс и ставить мощного рулевого. Без тебя корабль идет ко дну.

– Я все понимаю. Но... Народицкий? Ты же знаешь Винса как никто.

– Камила, это ведь не только я решаю. Переговоры уже на финальной стадии, вопрос почти закрыт.

– И дай угадаю: дело Софии Холмс – первое в списке.

– Не просто первое, – уточнил Ричард. – Это дело на миллион. Народицкий говорит, будет самое громкое дело за многие годы. Уже и руководители клюнули.

Камила закрыла глаза и покачала головой.

– Камила, ты тут?

– Да.

– Мне очень жаль. Если бы ты позвонила чуть раньше... Возможно, мы нашли бы выход...

– Ричард, ты же знаешь, это невозможно. Мы с Винсом не можем работать на одном канале. Господи, да мы в одном городе находиться не можем.

– Мне очень жаль.

На прощание они договорились созвониться через несколько дней и подумать, как быть.

Камила вернулась в дом. Она хотела найти Бобби, но пес куда-то запропастился. А ей было очень нужно поговорить с живой душой.

– Самое громкое дело за многие годы... – пробормотала она, входя в кухню.

Ясно одно: она не позволит Винсу Народицкому влиять на ее решения. Она не повторит ошибку.

Камила решительно открыла дверь в подвал и замерла перед его черной пастью. Набрала полные легкие воздуха и за-

крыла глаза.

Медленно, цепляясь за перила, она спустилась на несколько ступеней. Набравшись уверенности, ускорила шаг и остановилась на площадке, где лестница круто поворачивала направо.

«Пока все идет неплохо», – похвалила себя Камила.

На втором пролете боль в груди вернулась. Теперь это был не просто дискомфорт, как во время разговора с Ричардом, а стрела, пронзившая грудь насквозь. Камила согнулась пополам и подавила крик. Еще немного – и смерть.

Она шепотом начала считать: «Раз, два, три...»

За пять месяцев и четырнадцать дней до исчезновения

София и Дженис поссорились по дороге из школы. Все началось, когда Дженис попросила пойти с ней в заброшенный автокинотеатр: там она собиралась встретиться с Диланом Гарретом – старшекласником, в которого была влюблена.

София начала объяснять то, что повторяла уже тысячу раз: Гаррет – хам, и если бы не связи его отца, его бы уже десять раз выгнали из школы, он ведь никому житья не дает, только бы привлечь к себе внимание. Ходячее клише. К тому же даже не симпатичный!

На Дженис, по-видимому, ничто из этого не подействовало, потому что она спросила в лоб:

– Ты идешь со мной или нет?

– Разумеется, нет!

Вся школа знала про заброшенный автокинотеатр. Старшекласники собирались там, чтобы слушать музыку, пить и курить. Если парень с девушкой хотели уединиться, достаточно было зайти за стену, которая когда-то служила экраном для проектора. Полиция в той части леса даже не показывалась.

– Ну а я все равно пойду, – объявила Дженис.

Никогда в жизни София не была так растеряна. Им по четырнадцать, Дженис ни разу не встречалась с парнем, даже с ровесником. Теперь у нее начался период бунтарства, и она хочет делать, что в голову взбредет, не задумываясь о том, насколько это глупо. А встречаться с Диланом Гарретом в заброшенном автокинотеатре уж точно – глупее не придумаешь. Как же она не понимает?

– А что ты будешь делать, если Дилан позовет тебя в свой джип?

– София, зачем все заранее планировать? Может, соглашусь, не знаю.

– Дженис, ты совсем?! Нельзя туда ходить. Ты же знаешь, что я права.

– Ну конечно, ты всегда права!

Они остановились на перекрестке. Здесь дорога раздваивалась и сворачивала к лесу.

– Без меня, – заявила София.

– Ну и прекрасно. – Дженис развернулась и быстро зашагала прочь.

Софии хотелось побежать за подругой, схватить ее за плечи, встряхнуть, заставить одуматься. Но она осталась на месте, потому что знала: это не поможет. Дженис обернулась, злая, как оса, и крикнула, как ее достало, что София вечно считает себя самой умной. И Дилан очень даже симпатичный!

Это было обидно.

София вернулась домой раздраженная и обеспокоенная. Бросила рюкзак в кресло и пошла искать маму. В кабинете было темно, компьютер выключен, и она вспомнила, что именно сегодня Кэролайн ушла в офис. Обычно она работала из дома, но время от времени встречалась с коллегами, и они вместе ходили обедать. София спустилась в свою комнату – пеструю панораму ее многочисленных интересов. Там была целая библиотека из самых разных книг (в основном научных), глобус, постеры Тэйлор Свифт (ее главного кумира, вкупе со Стивеном Хокингом), профессиональный микрофон с усилителем, телескоп и куча исписанных тетрадей. Если Софии что-то нравилось, она бралась за это всерьез.

София легла на кровать и посмотрела в окно. Из окна ее комнаты – единственной на первом этаже – было видно часть Клэйтон-стрит и соседские дома.

Слова Дженис не шли у нее из головы. Она терпеть не могла, когда ее обвиняли в том, что она считает себя самой умной. Это преследовало ее с самого детства, с тех пор как стало ясно, что интеллект у нее выше среднего.

В три года София разговаривала почти как взрослая, в четыре уже читала и рассуждала совершенно фантастическим образом. В школу она поступила с колоссальным отрывом от сверстников. На второй неделе учительница, мисс Коулман, вызвала Холмсов в школу. Она была обескуражена и встревожена (в основном второе). После уроков родители Софии

зашли в класс. Мисс Коулман рассказала, что накануне они проходили сложение. София, как всегда, знала все ответы. Чтобы как-то ее занять, учительница велела ей сложить все числа от одного до ста. Она полагала, что задание потребует у девочки времени, а пока можно будет спокойно продолжать урок. София посмотрела на нее и через пять секунд выдала ответ. «Пять тысяч пятьдесят», – сказала она с победным видом. Мисс Коулман сама не знала правильного ответа и была вынуждена спросить Софию, как ей удалось посчитать так быстро. Кэролайн в молодости изучала управление бизнесом и неплохо обращалась с цифрами (хотя и не могла сравниться с Софией), поэтому она поняла, в чем была причина такой скорости. Конечно, девочка не могла сложить сто чисел за пять секунд. Но, как им с восторгом объяснила мисс Коулман, «София перемножила крайние числа! Крайние числа в сумме всегда дают сто один. Смотрите: $1 + 100$, $2 + 99$, $3 + 98$... и так далее. Все в сумме дают сто один! София просто умножила 101 на 50 и получила ответ». Отсюда следовало еще одно открытие: София сама научилась умножать.

В тот день по пути из школы София всю дорогу молчала. Уже перед самым домом она объявила родителям, что поняла: умничать в классе нехорошо, ведь учиться надо всем, а не только ей. Она пообещала, что больше не будет так делать. И сдержала слово.

С тех пор София стала круглой отличницей, но никогда не выходила за рамки программы. Она поняла – это ценится

вне школы, но не внутри. Все учителя были от нее в восторге.

София перевернулась на другой бок. Теперь она смотрела на аквариум, в котором плавала туда-сюда рыбка по имени Тони.

– Ты тупица, – сказала она себе.

С друзьями и близкими София всегда обращалась по тому же принципу. Люди не любят, когда им указывают на ошибки. Более того: это абсолютно бесполезно. Понять что-либо можно только самому.

Зря она стала спорить с Дженис. Надо было спокойно все обсудить.

За пять месяцев и четырнадцать дней до исчезновения

Через несколько кварталов злость Дженис утихла, и она подумала, не вернуться ли за Софией. Но не стала. Девочки дружили с первого класса и частенько ссорились – для них это было нормой. Они словно существовали в разных мирах – и при этом были лучшими подругами. София говорила, что их дружба *самобытна*. Дженис никогда до конца не понимала, что это значит – по крайней мере в такой формулировке. Когда София пыталась объяснять и начинала проводить сложные параллели со вселенной, Дженис делала вид, будто засыпает и похрапывает, и обе принимались хохотать. Еще одна тема для шуток. На самом деле Софии просто нравилось все анализировать, а Дженис предпочитала неопределенность. В свои четырнадцать она поняла: порой стоит выходить за привычные рамки. Например, когда она пела под гитару, то иногда брала какой-нибудь необычный аккорд, и получалось неожиданно красиво. Было нечто успокаивающее в том, чтобы не знать всего, плыть по течению.

Ей нравится Дилан Гаррет, и она хочет его увидеть (пусть

и придется шпионить за ним издалека), так почему нет? Пусть он не станет любовью всей ее жизни. Это просто парень, который ей нравится, – первый парень, между прочим, – ничего больше.

Дженис углубилась в лес и через несколько минут дошла до пустынной зоны для пикников. Села за один из столов, сняла рюкзак и достала оттуда косметичку и футляр с пирсингом. Быстро вставила один гвоздик в нос, другой в язык, третий в бровь. Когда она убирала футляр обратно в рюкзак, сзади послышался шум. Дженис вздрогнула от испуга. Обернулась – сердце так и колотилось – и увидела двух белок; зверьки выскочили из кустов и с интересом наблюдали за ней.

Дженис громко выдохнула.
– У меня нет еды. Простите.

Белки переглянулись, принюхиваясь. Дженис объяснила им, что в школе косметика запрещена, поэтому ей приходится краситься на их территории. Глядя в зеркальце, она нанесла на веки черные тени и жирно подвела глаза снизу. Для губ выбрала естественный оттенок, чтобы выглядеть не слишком вызывающе.

Белки убежали, и Дженис почувствовала себя одинокой и незащищенной. Надо идти дальше, и поскорее. Она надела кожаную куртку и быстро зашагала вперед. Цепи на брюках громко звенели, и Дженис заправила их в карман. Не стоит девушкам ходить по лесу в одиночку. Срезать путь через эту

безлюдную местность было не самым мудрым решением.

Заброшенный автокинотеатр находился на севере города. Дженис выглянула из-за толстого ствола и оглядела бетонную площадку и огромный экран, серый и облезлый. Иногда сюда приходили ее ровесники со скейтами и гоняли от края к краю, отталкиваясь от стен и выделывая трюки. Потом на машинах под громкую музыку приезжали старшекласники и прогоняли их.

В центре площадки стояла безошибочно узнаваемая «Тойота Фораннер» Дилана. Сам он, прислонившись к бамперу, потягивал пиво из банки и зачарованно смотрел на экран, словно там показывали фильм, который видел только он. Дилан стоял в стороне от остальных, и Дженис подумала, не сфотографировать ли его на телефон для своей коллекции, но он был слишком далеко. В нескольких метрах от Дилана ошивались Кейси Флечнер и Стив Кэмп, его лучшие друзья. Из одной машины доносился какой-то кошмарный рэп.

Хорошая новость – парни одни. Никаких признаков Мэгги Гилл, тупицы, называющей себя девушкой Дилана, или Салли О'Доннелл, или еще кого-то. Будь они тут, подойти бы не получилось. Путь свободен, но Дженис парализовал страх. Она прокручивала эту сцену в голове тысячи раз. Все-го-то и надо непринужденно подойти и завести разговор с Диланом, возможно, попросить глотнуть из его бутылки. Пиво Дженис уже пробовала: отец с друзьями оставляли недо-

питые бутылки, а убирать после попойки приходилось ей. Она попробовала пиво всего один раз, и хотя вкус показался ей отвратительным, она решила, что глоточек выдержит и сейчас.

В своих фантазиях она всегда находила в себе смелость подойти. Любая фраза растопила бы лед. Например, можно сказать, что у ее отца есть «Харлей» еще с восьмидесятых и он сам чинит его в мастерской. Дилана это сразит. Он обо-жает машины, даже мечтает стать профессиональным гон-щиком. И потом, что она теряет? Если он не воспримет ее всерьез, она просто продолжит жить дальше.

Но Дилан воспримет ее всерьез. Дженис кое о чем дога-дывалась, а именно – на самом деле они похожи: два непон-ятых бунтаря. По какой-то странной причине ей казалось, будто она близко знает Дилана, хотя за всю жизнь едва пере-молвилась с ним парой слов.

«Ну, иди уже!»

Она не могла.

Но почему?

И тут у нее появился идеальный предлог остаться на ме-сте. Вдалеке, на другом конце площадки она увидела ком-панию своих ровесников. Те прятались за постройкой для проекционной системы – наверное, ждали, когда уйдут стар-шие. Дженис сразу узнала одного из ребят: темнокожий, ху-дющий и высоченный, как Эмпайр-стейт-билдинг. Даже на таком расстоянии сомнений не оставалось: это Тим. А ес-

ли здесь Тим, то должен быть и Бишоп. И она тут же увидела Бишопа, неуверенно балансирующего на своей непомерно большой доске. Тим и Бишоп были ее друзьями, и какая-то часть ее испытывала неудержимое желание сейчас же к ним присоединиться.

«Только вот ты в кои-то веки собралась заговорить с Диланом».

А если Тим с Бишопом ее увидят?

Дженис продолжила искать оправдания. Ну, увидят – и что? Это вообще не важно. Она может делать что захочет. И потом, ребята тут надолго не задержатся. С мамой Бишопа всегда можно договориться, а вот за Тимом Джонсоны следят строго. К тому же он моложе всех в классе – ему еще нет тринадцати.

Дженис решила подождать. Когда Бишоп и Тим уйдут, можно будет действовать по плану. Дилан никуда не денется: он по-прежнему пустым взглядом смотрел на трещины в стене.

Дженис села на камень за деревом так, чтобы ее не было видно. Надела наушники и выбрала один из своих любимых плейлистов – с настоящей музыкой, а не с компьютерным шумом без намека на гармонию, который доносился из машины. Мощный рок *Aerosmith* действовал на нее успокаивающе. Она словно перенеслась в безопасное пространство своей комнаты, где в деталях представляла этот момент и где ей всегда хватало смелости подойти к Дилану. Шли минуты,

Aerosmith сменился на *Guns N'Roses*, а Дженис все сидела на том же месте. Она даже не обернулась посмотреть, ушли ли Тим с Бишопом. Это было уже неважно: в глубине души она знала, что так и не решится выйти из-за дерева и преодолеть те тысячу километров, которые отделяют ее от джипа.

«Не вздумай плакать, а то весь макияж к чертям».

Еще одна упущенная возможность.

Будь здесь София, все сложилось бы иначе. Подруга за две секунды придумала бы план, как подойти к парням, чтобы это выглядело естественно. Над Софией ни Дилан, ни его дружки не вздумали бы смеяться.

Дженис сидела на камне уже двадцать минут. Попа у нее замерзла и стала плоской, как доска. Было три часа дня, но по ощущениям намного позже; она и не заметила, как небо затянули темные облака. Дженис выглянула из-за дерева и увидела, что у одной из машин зажглись фары.

Тим и Бишоп ушли, а с ними и остальные ребята ее возраста. Дилан по-прежнему стоял, прислонившись к своему внедорожнику, только теперь к нему присоединился Кейси. Дженис искала глазами Стива Кэмп и не нашла. Не успела она заволноваться, как сзади хрустнула ветка.

– Ты че, следишь за нами?

Дженис обернулась. Ей пришлось задрать голову, чтобы посмотреть Стиву в глаза.

Кэмп был самым старшим из троицы. Он носил огромную куртку и со стороны напоминал палатку. У него было круг-

лое лицо, маленький нос и черные, близко посаженные глаза, похожие на отверстия двустволки. Дженис знала о нем только то, что он оставался в другой школе на второй год и что друзья называют его Гризли.

– Я просто жду, – проговорила Дженис. Слова сами вылетели у нее изо рта, прежде чем она успела что-то сообразить.

– Чего-чего?

На этот раз Дженис не смогла произнести ни слова – возможно, к лучшему. У нее тряслись руки.

– Ты кто такая вообще? – грубо спросил Кэмп.

– Дже... Дженис. Дженис Хобсон.

Кэмп это почему-то развеселило; он оскалился.

– Так зачем ты за нами следила, Дже... Дженис Хобсон?

Он шагнул к ней. Казалось, он ростом метров триста и сейчас набросится на нее. Дженис инстинктивно закрыла голову руками. Пригнулась.

– Я к Дилану, – еле слышно проговорила она.

– К кому?

Дженис дрожала всем телом. Теперь она точно не сможет выдать ни звука.

– Эй, Гризли, ты чего там? – раздался издали голос.

«Дилан?»

И действительно, через пару секунд Гаррет подошел к ним. Он отодвинул Кэмп – или тот посторонился сам, – и теперь над девочкой в черном нависали две фигуры.

– Говорит, пришла к тебе. Ты ее знаешь?

– Да я же ее лица не вижу.

Дженис медленно подняла голову и откинула волосы с лица.

Дилан смотрел на нее с любопытством. Узнал? Кажется, да. Это придало ей смелости.

– Привет, Дилан. Я...

– Дже... Дженис, – перебил ее Стив и заржал.

– Заткнись, Стив.

Бугай подчинился.

– Так ты ко мне пришла?

Дженис кивнула. Ей было неудобно сидеть на холодном камне, но встать она не решалась. Должно быть, Дилан все понял и отослал Стива:

– Гризли, иди к Кейси.

– Ты серьезно? – возмутился тот.

– Вали уже.

Прежде чем уйти, Стив бросил уничтожающий взгляд на Дженис, словно ей каким-то образом удалось взять контроль над ситуацией.

Когда они остались вдвоем, Дилан протянул Дженис руку. Она схватилась за нее и позволила себя поднять. Это был их первый физический контакт. Рука у Дилана была теплой, и Дженис не хотелось ее отпускать.

– Спасибо.

– Я тебя видел в школе, – сказал он.

Это был не вопрос. Дженис кивнула. Не говорить же, что

она тоже его видела – это и так понятно. Она промолчала. К ней возвращалась способность ясно мыслить. Дилан ее успокоил. Все начинало складываться так, как она себе представляла. Дилан не монстр, с ним можно поговорить – а как же иначе.

– Хочешь? – Дилан протянул ей почти пустую бутылку пива. – Там совсем мало, но у меня в машине есть еще.

Дженис взяла бутылку и глотнула.

– Классный у тебя пирсинг, – сказал он.

Допил пиво и небрежно отбросил пустую бутылку в сторону.

– Я его несколько месяцев назад сделала. И еще в языке.

Дилан рассеянно кивнул. Потом тряхнул головой, словно отгоняя дурные мысли.

– Ты замерзла, наверное? Сколько ты тут уже сидишь?

Она пожала плечами.

– Подожди меня за экраном, я сейчас подгоню туда машину. Там печка, погреешься.

Дженис колебалась.

– Дойдешь или проводить тебя?

– Дойду.

– Вот и отлично. Жди меня там.

Дилан отошел, и Дженис сразу почудилось, будто все это сон. Он правда взял ее за руку? Он видел ее в школе... И так хорошо с ней обошелся, не то что этот гнусный Стив Кэмп.

Она прошла вдоль кромки леса. Облака сгущались, и про-

свет между деревьями потемнел. Дженис обошла площадку и оказалась по другую сторону экрана. Здесь картина была не лучше. Дженис ни разу не бывала в этой части автокинотеатра и теперь видела, в каком плачевном он состоянии. Огромная стена вся облезла, кирпичи покосились; наружу торчали железные прутья, точно ржавые стрелы; повсюду граффити разной степени талантливости и ползучие растения. У подножия стены – полный беспредел: две бочки с мусором, бутылки, раздавленные жестяные банки, гора осколков... Подойдя поближе, Дженис поморщилась. Здесь стоял невыносимый запах мочи. Она отошла туда, где в стене был след от врезавшейся машины. Наверное, Дилан подъедет сюда.

Дженис ждала, держась за лямки рюкзака. Она не знала, куда смотреть: с одной стороны – стена, а там наверняка всякое, чего ей видеть совсем не хочется, вроде использованных шприцев или того хуже; с другой – лес, который выглядит все более зловещим. Мысль о том, что ей придется возвращаться одной, вызывала дрожь. В глубине души ей очень хотелось убежать отсюда, запереться у себя в комнате и спокойно играть на басу. О чем она вообще думала? Дилан не приедет. Они с Кэмпом и Флечнером сейчас, наверное, ржут до слез над покрашенной малолеткой, которая вообразила, что сможет замутить с Диланом, самым красивым и популярным парнем школы. Разве он обратит внимание на такую, как она? Дженис стояла в полный рост, но вдруг почувствовала себя очень маленькой, еще меньше, чем когда она съе-

жила под деревом. Мэгги Гилл сходит по Дилану с ума, у нее модельная внешность, и родители подарили ей на пятидесятилетие операцию на грудь – и то Дилан отказался с ней встречаться. А Дженис – полная противоположность Мэгги Гилл. С чего она решила, что у нее есть шанс? Чем она собиралась его впечатлить? Черной курткой из дешевого магазина и ярким макияжем? Дженис обхватила себя руками; она чуть не плакала.

И тут сбоку от стены засияли мощные фары внедорожника.

Дженис затаила дыхание. Хотела улыбнуться, но у нее не получилось.

Огромный автомобиль медленно двигался вперед. Потом повернул и остановился; задняя дверь оказалась прямо перед Дженис. Сквозь тонированные стекла было не видно, что внутри. Дверь открылась сама, как по волшебству. На заднем сиденье никого не было. Дженис обдала приятная волна тепла, словно приглашая сесть в машину.

Дилан вышел из-за руля и подошел к ней. Стена заглушала голоса с другой стороны.

– Садись. А то в ледышку превратишься.

Дженис не раздумывала. Скользнула на сиденье и поставила рюкзак в ногах. Сразу почувствовала, как согревается. Дилан сел с другой стороны и закрыл дверь.

Негромко и успокаивающе урчал мотор.

– Теперь можем официально познакомиться. Дилан Гар-

рет.

Он протянул руку, и она ее пожала. Наконец смогла улыбнуться.

– Дженис Хобсон.

Дилан снял куртку. Дженис тоже. На ней была футболка с группой *Sex Pistols*. Дженис надела ее, потому что она была обтягивающей. Дилан уставился на картинку.

– Знаешь их?

Он не сразу понял.

– Вроде нет. Классные?

– Были. Мой старший брат мне кучу разной музыки открыл.

Дилан не отрывал глаз от ее футболки. В его взгляде промелькнуло что-то безумное, отрешенность на грани транса. Его рука потянулась к правой груди Дженис. Она запаниковала. Рука Дилана сжималась и разжималась.

– Ты первый раз наедине с парнем?

– Нет, – соврала она.

– Тише, не бойся, – успокаивающе прошептал Дилан.

Он еще немного придвинулся к ней. Теперь он был почти на середине сиденья. Окна машины запотели.

– Клевый у тебя макияж.

– Спасибо.

Дженис никак не могла расслабиться. Закрыла глаза и постаралась восстановить дыхание. Она наедине с Диланом – наконец-то! Эмоции накрывали с головой. Это было как сон

наяву.

– Эй...

Дженис открыла глаза.

За пять месяцев и десять дней до исчезновения

9:00

Тим хорошо знал здешние места: когда-то его семья жила на Эйвери-стрит. Каждый раз по пути к Бишопу он останавливался перед своим старым домиком и смотрел, как он изменился. Общая картина была плачевной. Растения, за которыми когда-то так заботливо ухаживала его мать, превратились в ботаническую версию «Ходячих мертвецов». На стенах облупилась краска, окна были выбиты, во дворе валялся распотрошенный доисторический мотоцикл. Тим всякий раз думал, сможет ли отец Дженис его починить, но, скорее всего, ему уже ничто не поможет.

Тим любил этот дом, и ему было больно смотреть, как он разваливается. Хотя теперь они жили в престижном районе и куда более просторном и красивом доме, Тим по-прежнему чувствовал себя маленьким негритенком, которому место в бедных кварталах. Бишоп говорил, что когда-нибудь Тим станет новым Леброном Джеймсом и будет жить в рос-

кошном особняке, но какая-то часть его навсегда останется на Эйвери-стрит.

Тим улыбнулся. Наверное, ему просто не хватает друга под боком, к которому можно забраться через окно, посмотреть ролики на *YouTube* или порубиться в компьютерную игру.

Он подошел к дому Бишопа ровно в девять – намного раньше, чем они договаривались. Причины вызывали в нем жгучий стыд, и он старался о них не думать.

Тим подождал у входной двери и решился войти, только когда услышал изнутри звуки. В звонок он никогда не звонил – не начинать же сейчас. Едва переступив порог, Тим споткнулся о трех кукол, сидящих за чаепитием, и чуть не упал. Может, его и ждет будущее Леброна Джеймса, но на целых полторы головы он вырос только за последний год и до сих пор не привык к своим новым габаритам.

Из кухни до него донесся приглушенный голос матери друга. От радости, что Лена дома, Тим не мог сдержать улыбки. Лена говорила что-то Тилли, младшей сестренке Бишопа, торопливо идя через гостиную с феном в руке. Заметив Тима, она резко остановилась.

– Господи, Тим! Напугал до смерти!

Она высунула язык и скорчила гримасу. Тут же рассмеялась. Конечно, Тим любил свою мать, но Лена была самой классной мамой, какую только можно представить. Переступая через игрушки Тилли и коробки с новогодними украше-

ниями, она подошла к нему и звонко чмокнула в обе щеки.

— В этом доме елку ставят в последний момент, — сказала она, качая головой и поворачиваясь во все стороны в попытках немного прибраться. — Ну, ты понимаешь, мать-одиночка, все дела...

Тим молча смотрел на нее. Она вдруг резко повернулась, словно что-то вспомнила, и наставила на него фен.

— Тим! Ты мой спаситель. Пошли.

Деревянной походкой он последовал за ней. Дом Бишопов был еще меньше, чем его прежний, и к тому же ломился от всякого добра.

На кухне Тилли залезла ногами на стул, чтобы дотянуться до столешницы. Малышка, которой было пять лет, возилась с коробкой разноцветных хлопьев.

— Матильда, что ты натворила!

— Это горка.

— Да уж, горка. — Лена смахнула хлопья в ладонь и пересыпала обратно в коробку.

Тим еле сдерживал смех.

— Тим, ты ел?

— Нет.

— Вот и отлично. Приготовишь Тилли завтрак? Хлопья и яичницу. Никаких шоколадок! Сам бери, что захочешь. Договорились?

— Конечно.

— Супер. Друг твой только проснулся и сейчас в душе, так

что не переживай. Ты ангел!

Еще один звонкий поцелуй в щеку. Если бы Лена попросила, Тим приготовил бы завтрак для всего района.

Лена подошла к Тилли, поправила ей платице и вытерла нос салфеткой. Пользуясь случаем, Тим оглядел маму друга повнимательнее. Сегодня на ней были не привычные джинсы, а широкие черные брюки и блузка – как будто более нарядная, чем обычно. Иногда по субботам Лена работала, но сегодня, видимо, собиралась куда-то еще.

Она вышла из кухни и тут же вернулась: забыла фен. Схватила его и снова скорчила рожицу: закатила глаза и прикусила нижнюю губу.

– Спасибо, Тим! – крикнула она уже из коридора.

Секунд двадцать Тим неподвижно смотрел ей вслед. Даже Тилли проследила за его взглядом, не понимая, куда он уставился.

– Ты мне завтрак приготовишь?

Тим очнулся.

– Да, конечно.

– Давай сделаем разноцветную горку?

– Ну уж нет.

Дома Тим каждый день помогал по хозяйству и без проблем мог приготовить отличный завтрак. В последнее время дела у отца шли очень неплохо, но труд в их семье считался священным: родители прививали это детям с ранних лет. Меньше чем за пятнадцать минут Тим приготовил яичницу,

вафли с черничным джемом и апельсиновый сок. Тилли за-
вороженно за ним наблюдала.

Когда вернулась Лена – уже с сумкой на плече, – изумление на ее лице оправдало все усилия. Она смотрела на накрытый стол так, словно здесь потрудились домовые. Лена сделала макияж и прическу; такой Тим ее никогда не видел. Мама Бишопа обладала естественной красотой, которая не нуждалась в искусственных усилиях, но сейчас она выглядела просто ослепительно – даже в глазах парня, которому вот-вот исполнится тринадцать. А возможно, именно в них.

Лена восхитилась быстрой работой Тима и сказала, что убегает по делам. Бишоп (разумеется, она назвала сына не по фамилии) знает, что делать с Тилли, пусть Тим ему напомнит. Еще раз поблагодарила его за завтрак и попрощалась. Звонкий поцелуй номер три. Господи, да это лучший день в его жизни!

Когда Лена ушла, Тим проглотил пару кусков и пошел в комнату Бишопа. Друг, обмотанный полотенцем, с мокрыми волосами и заспанными глазами сидел на краю кровати. Просыпался Бишоп с трудом. Чтобы взбодриться, душа ему было недостаточно, а иногда не хватало даже дороги до школы. По субботам дела обстояли еще хуже.

Тим встал прямо перед Бишопом, и тот наконец-то поднял голову. Они стукнулись кулаками.

– Твоя мама сказала, надо Тилли куда-то отвести.

– O-O-OЭН-Н-Н-Н-Н...

Миссис Боуэн, догадался Тим.

В течение следующего получаса происходил их обычный ритуал: Тим пытался разговаривать друга, тот отвечал междометиями, одновременно осуществляя долгий и трудоемкий процесс одевания. Мимоходом, возможно пользуясь рассеянностью друга, Тим упомянул, что Лена ушла из дома в спешке и очень нарядная. Не появился ли у нее тайный ухажер? Голый Бишоп, нахмурившись, смотрел на пару трусов, как Гамлет – на череп Йорика. Решив наконец, что трусам место в корзине для грязного белья, а не на нем, он молча пожал плечами. Даже если он что-то и знал, Лена точно была не лучшей темой для разговора, чтобы преодолеть его утреннюю немоту. Бишоп любил мать, но почти никогда не говорил ни о ее работе, ни о личной жизни. Лена была управляющей в ночном клубе «Сквизер» на окраине Уилмингтона. Раньше, когда Бишоп только родился, она работала там танцовщицей. Лена подробно объяснила Бишопу, в чем заключается ее работа сейчас, но от самого факта, что некоторые девушки в «Сквизере» не только танцуют, но и занимаются разными другими вещами, Бишопу было крайне не по себе.

Он начал натягивать футболку и застрял головой в правом рукаве. Белый шар дергался во все стороны, пока наконец голова не высвободилась и на свет божий не появился Бишоп с торжествующей улыбкой на лице.

– Привет, Тим!

Тот рассмеялся. Бишоп был не просто его другом, но и

главным кумиром. На год старше, он научил Тима всему, что знал сам.

Когда Бишоп окончательно проснулся, они отвели Тилли к миссис Боуэн, соседке-пенсионерке, которая обожала малышку, как родную внучку. Возвращались они молча.

Наконец Тим задал вопрос, которого оба последние два дня избегали как могли:

– Мы скажем Софии про Дженис?

Бишоп где-то подобрал ветку и на ходу постукивал ею по тротуару.

– Не знаю. Может, Дженис сама ей рассказала?

– Не рассказала, ей стыдно. Но скрывать такое от Софии нечестно. Она имеет право знать.

Бишоп ударил веткой по дереву.

– Ладно, твоя взяла, – сказал он. – Поговорим с Супер-мозгом.

– Попробуй назови ее так в лицо, она тебе эту палку в зад засунет.

– Может, я бы не возражал.

И оба громко захохотали.

За пять месяцев и десять дней до исчезновения

10:15

Никки обожала бывать у Софии. Не только из-за их дружбы, крепкой и на долгие годы (по крайней мере, так думала Никки): ей нравилось чувствовать себя частью мира Холмсов. Иногда она под каким-нибудь предлогом выходила из комнаты Софии и бродила по огромному дому, осматривая помещения, точно шпионка, и представляя, как однажды сама будет жить в таком месте. Порой она даже фантазировала, что это и есть ее дом. И если во время своих тайных вылазок сталкивалась с Филом Холмсом (хотя его почти никогда не было дома), то воображала, будто она его дочь, и говорила, как ему идет костюм, или хвалила его одеколон, или что-то в этом духе.

А еще там был запах – неповторимый и изысканный, пропитывающий все вокруг. Не искусственный аромат, не освежитель воздуха, не чистящее средство и не растение. Это были они, Холмсы. Никки знала, что у всех людей есть свой за-

пах – именно по нему собаки могут выследить конкретного человека, – но еще ни разу не встречала такого необычного и приятного. Этот запах всегда будет ассоциироваться у нее с успехом, даже несколько месяцев спустя, когда на Холмсов обрушится несчастье и даже специально обученные собаки не смогут найти след пропавшей Софии.

В тот вечер Кэролайн и Фила не было дома. А значит, София и Никки могут делать что захотят. Например, слушать музыку на полной громкости, горланить песни и скакать по комнатам. Иногда София предлагала поделаться упражнения по вокалу, которые давала им миссис Уилсон, но Никки делала вид, будто засыпает, или стреляла себе в голову из воображаемого пистолета.

Однако сегодня Софии было не до пения.

– Я знала! – Этот сосредоточенный взгляд означал, что мозг у нее работает с бешеной скоростью. – Дженис не болеет.

– Прочитай еще раз сообщение, – попросила Никки.

София повторила его по памяти, слово в слово:

– «Мы с Тимом сейчас к тебе зайдем. Насчет Дженис. Мы знаем, почему она не ходит в школу. Она не болеет. Дело в другом».

– Мужчины, – закатила глаза Никки, – вечно на словах экономят. Как в телеграфах в допотопные времена.

– Телеграммах, – поправила София.

Никки бросила на нее уничтожающий взгляд.

– Прости. Я просто волнуюсь.

– Они не ответили?

София взглянула на экран – во всем классе у нее одной был нормальный телефон – и помотала головой.

– Они должны уже быть...

Звонок в дверь не дал Никки договорить. Девочки вскочили с кровати и домчались до двери за рекордное время. София быстро набрала цифры на панели сигнализации.

– Ты помнишь код? – спросила Никки.

– Очень смешно.

За дверью стоял Бишоп в куртке защитного цвета, шерстяной шапке и с веткой в руке. За ним – Тим с напряженным лицом.

Бишоп отбросил ветку в сторону и, не дожидаясь приглашения, вошел. В Хоукмуне никогда не шел снег, но от холода уши порой чуть не отваливались, и сегодня был как раз один из таких дней. Ребята поздоровались. Тим продолжал стоять в дверях. К их компании он примкнул последним и еще не установил таких же близких отношений с девочками, как Бишоп. Иногда ему не верилось, что его приняли.

– Тим, заходи, – позвала София. – Замерзнешь.

Она наклонилась и взяла его за руки. Тим позволил ввести себя в дом. Он словно плыл на облаке.

Мальчики оставили куртки на вешалке, и все четверо направились в кухню во главе с Софией. Никки, как вторая по рангу, шла следом.

– Кэролайн и Фила нет, – не останавливаясь, сказала она через плечо.

Мальчики кивнули, не вполне понимая, зачем им эта информация. Тим немного расслабился. Иногда ему казалось, будто мистеру Холмсу не по себе в его присутствии. Они расселись за квадратным столом, по одному с каждой стороны.

– Что с Дженис? – без предисловий спросила София. – Она уже два дня не была в школе и не отвечает на сообщения.

Бишоп с Тимом переглянулись.

– Бишоп! – нетерпеливо окликнула София.

Тот кивнул и примирительно поднял ладони.

– Вы правда ничего не слышали в школе?

– Нет! – хором ответили София и Никки.

– Ладно, понял. Просто, *по-видимому*, в среду вечером Дженис была с Диланом Гарретом.

– Что значит *была*? – мгновенно спросила София.

Бишоп молча смотрел на нее, словно пытался передать ей ответ силой мысли.

– Бред какой-то! – воскликнула Никки. – Дилан старше, и к тому же полный идиот.

– Дженис от него без ума, – заметил Бишоп.

– Хватит! – прервала их София.

Не в первый и не в последний раз по школе ходят ложные слухи. Некоторые ребята – словно идеальные мишени, Дженис в том числе.

– Тим, расскажи, *что именно* ты слышал в школе.

Тим с трудом сглотнул. Взглянул на Бишопа, ища поддержки. Тот кивнул.

– Мы их видели, – серьезно проговорил Тим.

В течение десяти секунд София молча смотрела на парней. Что творилось в это время у нее в голове – одному богу известно.

– Бишоп, если это твой очередной прикол... – Она угрожающе наставила на него палец.

– Это не прикол, – перебил ее Тим.

– Что вы видели? – еле слышно спросила Никки.

Снова заговорил Бишоп:

– В среду мы с Тимом были в автокинотеатре. Но до парковки не дошли, там торчали Гаррет, Флечнер, Кэмп и вся эта планета обезьян. Мы остановились в стороне и стали ждать, когда они уйдут. Потом кто-то указал в сторону леса, и мы увидели Дилана с какой-то девушкой. Никто ее не узнал, кроме нас.

– Это была Дженис, – подхватил Тим. – Ее рюкзак, ее куртка, цепи – всё.

– Дженис зашла за экран, – продолжал Бишоп. – Нам уже не было ее видно. Дилан вернулся к своему джипу и уехал туда же.

София и Никки сидели неподвижно, точно статуи.

Бишоп замолчал.

– И?! – потеряла терпение Никки.

Он пожал плечами.

– Дилан не в первый раз уединяется с девушкой в автокинотеатре. Я бы сказал, в тысячный.

– Подожди... – перебила его София. – Вы что, не пошли посмотреть, какого черта там происходит?!

– София, ну серьезно, – начал защищаться Бишоп, – ты же сама знаешь, Дженис сохнет по Гаррету. Вы считаете его идиотом, мы считаем его идиотом, но для нее он просто бог с Олимпа. Понятно же, что она сама к нему пришла... К тому же никто ее за экран не тащил. Тим свидетель.

Тим молчал.

София вскочила на ноги.

– Я ушам не верю, Бишоп! – Она заходила по кухне кругами. – Ты сам сказал: Гаррет идиот! Дженис этого не видит, так неужели вам в голову не пришло пойти и проверить, все ли с ней в порядке?

– София, подожди, – вмешалась Никки, – Бишоп в чем-то прав. В конце концов, Дженис пошла туда по собственной воле.

– Ни в чем он не прав! – София по-прежнему кружила по кухне. – Это неважно, по собственной или нет. Гаррет просто воспользовался случаем!

Бишоп открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Тим искоса смотрел на него. Мысль о том, что в джипе с Дженис могло случиться что-то плохое, мучила его последние несколько часов.

– Об этом мы не подумали, – тихо проговорил Бишоп.

– Сейчас самое главное, – продолжала София, – выяснить, какого черта произошло в джипе. Что говорят в школе?

Парни переглянулись, и Бишоп осторожно ответил:

– Питер Кэмп, младший брат Стива, поговаривает, будто Дилан и Дженис *сделали это* у него в машине.

Повисла тяжелая тишина. О сексе в их компании не говорили. Тим ни разу даже не целовался с девушкой, поэтому его опыт ограничивался одними фантазиями. Бишоп утверждал, что целовался уже с двумя, но никогда не сообщал ни имен, ни каких-либо подробностей, так что его заявления казались по меньшей мере сомнительными. Никки была идеалисткой: ее интересовали только недостижимые парни, известные актеры, певцы и тому подобное. София один раз в жизни поцеловалась с Джереми Олсеном на школьной вечеринке, но, как она сама утверждала, это был просто легкий чмок без языка.

Потеря девственности для всех четверых была за гранью воображения.

– Ты думаешь, это правда, Тим? – спросила София. – Ты ведь знаешь Питера.

– Ну, Питер иногда немного преувеличивает, – задумчиво произнес Тим. – Возможно, он слышал, как его брат что-то рассказывает друзьям, и додумал свое.

– Если этот козел с ней что-то сделал... – София снова опустилась на табуретку.

– Ох, черт, – проговорил Бишоп. – Ты права, надо было нам пойти и проверить, все ли в порядке.

– Прошло два дня. – Казалось, София его не слышит. Когда ее мозг запускал процесс, она превращалась в локомотив. – Надо срочно искать Дженис.

– Если скажем ее брату, – заметил Тим, – он Гаррету голову оторвет и на кол насадит, как в «Повелителе мух».

За пять месяцев и десять дней до исчезновения

11:10

Они впятером основали рок-группу, которую, за неимением лучшего, называли просто «группой». Бишоп предлагал назваться «Эзотериками», но все сходились во мнении, что «Эзотерики» – отстойное название, и потому вопрос пока оставался открытым. Дженис, в области музыки считавшаяся авторитетом, – и, возможно, единственная, у кого был настоящий талант, – говорила, что название появится потом, когда они придут к общему стилю. Так она в дипломатичной форме намекала на то, что остальным членам группы еще предстоит многому научиться; Софии и Никки, например, – хоть на секунду перестать слушать Тэйлор Свифт, Кэти Перри и Эда Ширана и обратить внимание на легендарные рок-группы шестидесятых и семидесятых.

Дженис получила обширные музыкальные познания благодаря внушительной коллекции виниловых пластинок своего отца, Харлана. Сколько она себя помнила, музыка все-

гда была важной частью ее жизни. Харлан, выдающийся музыкант, играющий на множестве инструментов, зарабатывал тем, что выступал в бесчисленных группах, причем названия у некоторых были еще хуже, чем «Эзотерики». Иногда он работал просто за суточные и проводил целые месяцы вдали от дома, в фургонах, автобусах и на захолустных сценах. Он и сам понимал, что, если бы приложил в свое время побольше усилий, мог бы далеко пойти. Теперь было уже поздно, и приходилось просто выживать. Утешало лишь то, что он почти в одиночку вырастил двоих детей, которыми очень гордился. И Кит, и Дженис были улучшенными версиями его самого – значительно улучшенными, если на то пошло.

Кит Хобсон играл на гитаре и мечтал о карьере профессионального музыканта, однако трезво смотрел на жизнь и работал на заправке, чтобы покрывать свои расходы и хоть немного поддерживать семью на плаву. Ну а Дженис... Дженис была главной слабостью отца. Если Харлану Хобсону и удавалось не скатиться окончательно в пропасть пьянства и разгильдяйства, если он и умудрялся держать себя в узде и из последних сил цепляться за край обрыва, то только благодаря Дженис. Потому что он безумно любил дочь и был ей нужен.

Дженис играла понемногу на всех инструментах, но настоящей ее страстью была бас-гитара. И, конечно же, она не могла не обсуждать музыку со школьными подругами – Никки и Софией. В каком-то смысле Дженис была подростком

из другой эпохи: она обожала *The Who*, *Sex Pistols*, *The Clash* и еще кучу допотопных групп, о которых ее ровесники даже не слышали. Именно благодаря Дженис Никки, обладавшая шикарным голосом, поняла, что может больше, чем просто подражать Кристине Агилере.

Однажды после школы Дженис позвала подругу к себе. «Хочу показать тебе кое-что. После этого твоя жизнь не будет прежней». Она привела Никки в помещение, отведенное для репетиций, и поставила потрепанную пластинку из отцовской коллекции – альбом «Pearl» Дженис Джоплин. «Меня называли в честь нее», – любила повторять Дженис. На песне «Cry Baby» Никки пришла в абсолютный восторг: никогда в жизни она не слышала такого душераздирающе мощного голоса. «Попадать в ноты – это еще не все», – сказала ей в тот день Дженис, словно посвящая в великую тайну.

Дженис и Никки были похожи и порой схлестывались. София умела быть в их компании и посредником, и лидером, могла противостоять каждой подруге и вразумить обеих. Втроем они взаимодействовали словно атомы одной молекулы. Музыка стала для них особой сферой, где каждая выполняла свою роль. София сначала была только на подпевках, но потом обнаружила, что может сочинять. Она научилась читать ноты и в двенадцать лет написала первую песню для группы.

Иногда Кит или сам Харлан соглашались с ними порепетировать, но скоро стало ясно: в группу нужны новые люди.

Дженис мечтала о девчачьей группе, как *The Runaways*, но это оказалось невозможно: в школе они никого не нашли, кроме старшеклассниц, а те категорически отказались воспринимать их всерьез. Дженис негодовала, но через несколько месяцев была вынуждена признать: придется включить в зону поиска мальчиков; Никки и София не раздумывая согласились.

Так к ним присоединился одноклассник Бишоп: они почти не общались, но он умел играть на гитаре. Бишоп был чудиком – сын бывшей танцовщицы из «Сквизера», который ни с кем не дружил, кроме одного высоченного тощего паренька. Однажды Дженис увидела на двери его шкафчика наклейку *Foo Fighters* и не смогла пройти мимо. У них состоялся крайне занятный разговор, в ходе которого выяснилось, что у Бишопа есть «Стратокастер», подаренный дальним родственником. Реликвия. После некоторых раздумий группа без названия решила устроить Бишопу прослушивание. Бишоп, который выучился играть по роликам на *YouTube*, произвел сильное впечатление. Его приняли сразу. Теперь, с Бишопом на гитаре, Дженис на басу и Никки и Софией на вокале, группа была почти собрана. Не хватало только ударника.

И тогда Бишоп предложил попробовать своему другу Тиму. Тим был прирожденным спортсменом. Больше всего он любил баскетбол, а еще плавал и играл в бейсбол – все давалось ему удивительно легко. На барабанах просто нужна

координация, уверял его Бишоп, это не сложнее, чем вести мяч, работать ногами или бросать штрафной. Тим сомневался и боялся выглядеть посмешищем. Бишоп умолял его попробовать. Сам он уже несколько месяцев входил в состав «Эзотериков» — какое-то время он упорно использовал это название, когда девочки не слышали, — и в его жизни произошли серьезные перемены. Неожиданно для самого себя он стал дружить с Софией Холмс и Никки Кэмпбелл, и это радикальным образом изменило его социальный статус. Он больше не был невидимкой. Он болтал с девочками в школьном коридоре, они вместе над чем-то хохотали, и все это видели. Многие парни, которые раньше, проходя мимо, задевали его плечом, теперь хотели с ним дружить. Бишоп уверял Тима: эти девчонки просто супер, даже Дженис, если ее поближе узнать.

И Тим наконец согласился. Целую неделю, вооружившись двумя половниками и обложившись подушками, он упражнялся дома под бдительным надзором друга. Бишоп сказал, нужно разучить хотя бы две композиции, и Тим выбрал «Starlight» *Muse*: это была любимая группа его двоюродного брата, а еще на *YouTube* он нашел кучу обучающих роликов именно для этой песни. В качестве второй Бишоп предложил «Walk This Way» *Aerosmith*, в которой он сам сыграет рифф на гитаре.

Никогда еще Тим так не нервничал, как по пути к дому Дженис, где ему предстояло познакомиться с группой. Де-

вочки встретили его приветливо, но довольно торжественно; это немного напрягло. Все было серьезно. Тим хорошо помнил последовательность ударов в обеих песнях, но одно дело дубасить по подушкам у себя в комнате, и совсем другое – играть на настоящей установке.

За домом находилась отдельная постройка, которая служила Хобсонам репетиционным залом. Помимо инструментов и усилителей, там стоял потрепанный диван, несколько разношерстных кресел и низкий столик. На нем – с полдюжины банок из-под пива, которые Дженис принялась торопливо кидать в пакет, ругаясь себе под нос. Остальные ничего не сказали.

В углу стояла барабанная установка. Увидев ее, Тим не на шутку струхнул. Она была огромной, как город будущего.

«Садись с уверенным видом», – учил его Бишоп. Так и собирался поступить Тим, но, подойдя к установке, еле успел заметить на полу рядом с табуреткой стакан и, пытаясь не наступить на него, чуть не грохнулся прямо на барабан. Ему удалось вовремя поймать равновесие, но про стакан он говорить не стал – его все равно никто не видел, а Дженис, судя по всему, очень не любила беспорядок.

Дальнейший план Бишопа заключался в том, чтобы отвлечь девочек болтовней, пока Тим приноровится к барабанам. Ударит пару раз, пока они разговаривают, – музыканты всегда так делают. Сам Бишоп принес с собой гитару: пока он будет ее настраивать и подключать к усилителю, они вы-

играют еще немного времени.

Когда Тим взял в руки палочки, его захлестнуло новой волной паники. Что он, черт побери, творит? Пришел на прослушивание по барабанам, а сам ни на одном барабане в жизни не играл! Дал Бишопу себя уговорить: ах, его невероятная координация, ах, его исключительная ловкость, ах, его чувство пространства, бла-бла-бла.

Дальше события развивались в духе сюрреализма. Бишоп объявил, что недавно видел шикарный ужастик про то, как Нью-Йорк захватили огромные насекомые. Девочки посмотрели на Бишопа так, словно он спятил, а он принялся в деталях пересказывать первые минуты фильма. При этом он убийственно медленно настраивал гитару. Во время этого нагоняющего зевоту повествования Тим впервые тронул барабан, уселся на табуретку и резко нажал на педаль. Удар был настолько оглушительным, что все вздрогнули, включая Бишопа – тот посмотрел на друга с ужасом.

После секундного замешательства Бишоп как ни в чем не бывало продолжил рассказ и начал описывать, как лобстер размером с автобус откусил голову какому-то толстяку.

Дженис жестом остановила его. Терпение никогда не было ее сильной стороной, а в тот день – особенно. Она подошла к Тиму и наставила на него свой тонкий длинный палец:

- Ты никогда не играл на барабанах, так?
- Да умеет он играть! – завозмущался Бишоп.
- Ни разу, – тут же признался Тим.

Бишоп вытаращил на него глаза.

– Да неправда это! Он умеет! Он просто... скромничает.

– Он сам сказал, что не умеет, – заметила София.

Бишоп хотел что-то возразить, но передумал.

– Как думаешь, ты быстро научишься? – спросила Никки.

Тим горел от стыда. Вопрос придавал ему уверенности.

– Думаю, да. Я дома тренировался.

– Мой брат научит тебя основам, – сказала Дженис. – Сможешь оплатить несколько уроков?

Тим закивал.

– Девочки, что скажете?

– Нам нужен ударник, – констатировала София.

– Я скажу: давайте попробуем, – поддержала Никки.

Так Тим стал официальным членом группы.

Подойдя к дому Хобсонов, ребята сразу поняли: что-то не так. Окно Дженис на втором этаже было закрыто – такого никто из них еще не видел. Они не стали звонить в дверь, а сразу пошли на задний двор. Машины Харлана, которую он обычно парковал перед гаражом – внутри все место занимали мотоциклы, – нигде не было. Тим заглянул в окошечко над задней дверью. Остальные ждали его вердикта.

– Никого нет, – объявил Тим.

Рядом с гаражом был зал для репетиций. Они достали из-под цветочного горшка ключ и вошли внутрь.

Никки первой заметила, что бас-гитары нет на месте. Все

четверо уставились на стойку, где Дженис обычно оставляла свой инструмент, рядом с гитарами старшего брата.

– Усилитель тут. – Тим показал на Marshall.

Окно закрыто. Гитары нет. Ничего хорошего все это не предвещало.

– А ее папа в туре, не знаете? – спросила София.

Все переглянулись.

– Уехать в тур за неделю до Рождества? – засомневался Тим.

– Не сказать, чтобы у них тут царила рождественская атмосфера, – заметил Бишоп.

Они вошли в дом через заднюю дверь. Внутри стояла полная тишина.

– Дженис! – крикнул Бишоп. – Это мы!

На кухне стояла немытая посуда и пахло чем-то несвежим.

– Может, нам... кому-то позвонить? – спросил Тим.

– Кому?

Никки посмотрела на него так, словно ничего тупее в жизни не слышала. В каком-то смысле так оно и было: они всегда приходили к Дженис без предупреждения.

– Ну не знаю... – попытался оправдаться Тим. – Понятно же, что Дженис тут нет.

– Тут вообще никого нет, – сказала София.

Она шла впереди, как храбрый воин-берсерк.

В гостиной они обнаружили остатки вчерашнего ужина.

На столе стояло две коробки из-под китайской еды и две пивные банки. Бишоп снова позвал Дженис, хотя теперь уже все понимали, что ответа не дождутся. После некоторых сомнений они решили подняться наверх. Хоть они и приходили сюда как к себе домой, это было уже как-то чересчур.

– Может, мы с Бишопом останемся внизу – вдруг мистер Хобсон придет? – предложил Тим.

– Не надо, – не оборачиваясь ответила София. Она уже поднималась по ступенькам. – Пойдем все вместе.

Никки решительно топала за ней. Тим и Бишоп переглянулись и тоже двинулись следом.

Ребята сразу прошли в комнату Дженис. Включив свет, они поняли несколько вещей одновременно. Во первых, бас-гитара действительно исчезла: верный признак, что Дженис куда-то уехала и вернется нескоро. Во-вторых, собиралась она явно в спешке. Кровать была не застелена, на ней и на полу валялась одежда. Бишоп и Тим, которые никогда не бывали в комнате Дженис, сели на кровать, подальше от лифчика, лежавшего на подушке, и наблюдали, как девочки бесцеремонно обыскивают платяной шкаф подруги.

– Рюкзака нет, – доложила София, стоя на коленях и роясь на дне шкафа. Она отодвигала кеды, пустые коробки, сумки.

– Одежда не вся, – сообщила Никии, открывая и закрывая ящики.

– Пойду проверю косметику, – сказала София.

Она вышла из комнаты и направилась в ванную. Верну-

лась меньше чем через минуту. Косметики на месте не было, и сомнений не оставалось: Дженис уехала. В последнее время она жить не могла без черной подводки для глаз.

Тим и Бишоп разглядывали постеры на стенах – сплошь старомодные рок-группы. Тут им делать было нечего, лучше бы они остались внизу, как предлагал Тим. Они впервые видели, чтобы София волновалась – она была просто сама не своя.

– Давайте все немного успокоимся? – предложил Бишоп. Девочки прекратили поиски и возмущенно обернулись к нему.

– Вместе подумаем, как...

Но не успел Бишоп договорить, как снизу послышался шум. Глаза Тима превратились в два шарика для пинг-понга.

Громко хлопнула входная дверь. Что-то упало на пол. Голоса? Похоже на то. София бросилась к выходу, но Бишоп удержал ее за плечо. Другой рукой сделал знак, мол, подожди. Никки застыла у двери как вкопанная.

Несколько секунд стояла полная тишина, и ребята немного осмелели. Осторожно вышли в коридор – все, кроме Тима: тот по-прежнему неподвижно сидел на кровати. София, Никки и Бишоп стояли в дверном проеме, напряженно глядя на лестницу, и прислушивались, не повторятся ли звуки. Вскоре до них донеслось позвякивание посуды и грохот стульев. Никки от страха спряталась за Бишоп.

Шаги на лестнице. Не размеренная поступь, а неровный

топот человека с заплетающейся походкой. Или не одного. Снова голоса и... смех?

Из лестничного проема выросла огромная тень. Окно на площадке рассекло на две части эту темную бесформенную громадину, которая вытянулась до самого потолка, потом начала сжиматься, а шаги становились все ближе и ближе. Их обладатель – или их было несколько? – вот-вот дойдет до лестничной площадки; из-за стены показалась тощая рука. Вся в татуировках. София ее узнала первой. Решительно шагнула вперед.

– Я София Холмс, – произнесла она в ту же секунду, когда в коридоре появилась худощавая фигура Кита Хобсона.

От испуга брат Дженис резко отшатнулся и чуть не упал. Удержался он только потому, что сзади его подхватили женские руки – при росте метр восемьдесят он весил чуть больше шестидесяти килограммов.

– Черт бы меня побрал! – выругался Кит, хватаясь за сердце. От частого дыхания грудь у него ходила ходуном.

Позади него, все еще с поднятыми руками, стояла Дебби, его девушка.

– Вы что тут забыли? – спросила она.

У Кита Хобсона было двадцать шесть татуировок, в основном на руке, плечах и шее. По одной на каждый год жизни, шутил он. Вся группа его очень уважала и любила.

– Мы ищем Дженис, – сказала София.

Кит оглядел троицу друзей (Тим так и не выходил из ком-

наты) и задержал взгляд на Бишопе.

– Бишоп, что тут творится?

Дебби тоже внимательно их разглядывала. Ей было двадцать два – ангельское личико, длинные темные волосы.

– Кое-что... случилось, – сказал Бишоп.

И тут же получил тычок локтем от Никки и испепеляющий взгляд от Софии. Бишоп умолк.

И тут из комнаты походкой наказанного ребенка вышел Тим.

– Так... – Кит был окончательно сбит с толку. – Есть кто-то еще в моем доме? Идем вниз, будете объяснять, какого черта тут происходит.

София не сдвинулась с места.

– Где Дженис?

– Дженис в гостях у тети Патрисии, в Джексонвилле. Уехала вчера, останется там на Рождество. Еще вопросы? А теперь – живо все вниз.

Кит развернулся и стал спускаться по лестнице, Дебби – за ним.

Когда они удалились на достаточное расстояние, Никки и София переглянулись. Они думали об одном и том же, но вслух это произнесла Никки:

– Дженис ненавидит ездить на Рождество к тете Патрисии.

Кит ждал их в кресле. Все четверо уселись на диван напротив: мальчики по краям, девочки посередине. Дебби осталась в стороне, давая понять, что происходящее не

слишком ее интересуется.

– Дженис не говорила, что собирается к тете, – сказала София.

– Она решила в последний момент, я сам ее отвез.

Ни одна из сторон не была настроена враждебно. Ребята явно что-то тревожило, и Кит тоже начинал беспокоиться.

– Зачем? У нее что-то случилось?

Кит внимательно посмотрел на Софию.

– Да. По правде говоря, она была не в лучшей форме, – сказал он. – Я подумал, может, повздорила с кем-то из вас. Я прав?

Никки помотала головой.

– А что тогда?

– Мы не знаем, – ответила София. – Мы уже несколько дней ничего от нее не слышали. Это очень странно, вот мы и решили прийти.

– Окно в ее комнате закрыто, – добавила Никки.

– Да в чем дело-то? – начал терять терпение Кит.

Бишоп опустил глаза. Тим чуть не плакал. Никки открыла было рот, но София мягким жестом остановила ее; опустила ладонь на руку подруги. *«Лучше я».*

– Дженис замутила с одним парнем, – начала София. – Мы в школе узнали. Сама она не говорила.

Кит слушал. София представила, будто сидит перед вулканом. От того, что она скажет дальше, зависит, начнется ли яростное извержение, хлынет ли поток лавы и успеют ли они

увернуться.

– С кем?

Если Кит узнает, что это старшеклассник, разговор закончится в ту же секунду. Он просто вылетит из дома и вышибет бедолаге мозги без единого слова.

– С кем? – повторил Кит.

– Неважно, – сказала София. – С одним парнем из школы. Дело в другом: похоже...

Никки закончила фразу:

– Похоже, для нее все было серьезнее, чем для него.

Кит кивнул.

– Этот тип... он ее обидел?

– Мы не знаем, – ответила София.

– Если бы он ей что-то сделал, – вставил Бишоп, – я бы лично с ним разобрался.

Никки чуть не прыснула от смеха, но сдержалась.

Кит встал.

– Скорее всего, ничего ужасного не произошло, – продолжила София. – Мы поговорим с ней, когда она вернется.

– Исключено, – отрезал Кит. – Я поговорю с ней прямо сейчас.

– Сейчас? – София и Никки одновременно вскочили.

– Нам пора на заправку возвращаться, – подала голос Дебби из другого угла комнаты.

– К черту заправку. Скажешь Билли, у моей сестры проблемы. Я тебя подброшу.

Дебби, явно обеспокоенная, подошла к нему.

– Кит, по-моему, ты перегибаешь. Просто позвони ей по телефону.

– Мне не жалко потратить полчаса на дорогу, чтобы выяснить, не страдает ли моя сестра из-за какого-то уroda.

Через несколько месяцев урода найдут на берегу озера Гордон с пробитым черепом.

За четыре месяца до исчезновения

Группа распалась в тот же день, когда Кит поехал в Джексонвилл поговорить с Дженис. Та отрицала абсолютно все и утверждала, что ее друзья врут, потому что сами повелись на глупые слухи. Кит поверил сестре.

После зимних каникул Дженис стала избегать любых контактов со старыми друзьями и примкнула к компании бунтарок на два года старше. Никки однажды неудачно столкнулась с ними после школы: девчонки курили и ржали над какими-то глупостями, и она сорвалась.

Ссора была неприятная. Никки и Дженис наговорили друг другу всякого: во что-то они действительно верили, а что-то вылезло из самых черных глубин, где у каждого из нас таится желание побольнее задеть другого. Дженис сказала, что Никки – просто марионетка Софии, которая не способна действовать самостоятельно и даже думать сама не умеет. Никки в ответ заявила, что она хотя бы не шлюха, которая путается с кем попало, и уточнила, что может привести пример, о котором прямо сейчас подумала совершенно самостоятельно.

София и Бишоп надеялись, что со временем Дженис при-

дет в себя, и были в шоке, узнав о стычке. Теперь Никки злилась не меньше, а возможно, даже больше, чем Дженис. Понадобился не один час, чтобы до нее достучаться и объяснить: Дженис сейчас чувствует, будто ее предали, а они как друзья должны поддерживать ее, когда это возможно. В конце концов, никто из них точно не знает, что сделал с ней Гаррет в тот день и как это на нее повлияло.

Сам Дилан, очевидно, считал, что он тут ни при чем. Однажды София вызываяще на него посмотрела, и ему хватило наглости что-то ей ответить. Он вел себя как обычно – привлекал всеобщее внимание и расхаживал по школе, как король мира.

Именно Софии удалось наконец поговорить с Дженис по-человечески. Они встретились у выхода из школы и вместе пошли к Софии домой, как делали раньше столько раз. София пообещала не затрагивать темы, на которые Дженис говорить не хочет, и сдержала слово.

Она рассказывала о себе: дома у нее не все гладко – у родителей проблемы в отношениях. Рождество прошло совсем не так, как обычно.

– Причем не то чтобы они постоянно ссорились, – объясняла София, – как раз наоборот. Каждый живет своей жизнью. Они почти не общаются, а когда я рядом, делают вид, будто все в порядке.

Дженис слушала с удивлением. Сама она матери никогда не видела, а отец половину времени проводил в разъездах

и едва сводил концы с концами, поэтому Холмсы были для нее образцом идеальной семьи. Иногда Дженис казалось, что София преувеличивает домашние проблемы.

Они шли по Клэйтон-стрит – одной из самых красивых улиц Хоукмуна. Домики как на картинке, садики – хоть сейчас на конкурс красоты. София в пальто из итальянской шерсти, с мелкими семейными неурядицами, принадлежала этому идиллическому миру. А ей, Дженис, приходилось каждый день собирать разбросанные отцом пивные банки и притворяться, что она не любит отмечать дни рождения, тогда как на самом деле у них просто нет денег на праздники.

– София, а что тебе подарили на Рождество? – вдруг спросила Дженис.

– Много чего. Родители в этом плане такие предсказуемые... Несколько книг, электронный микроскоп, два платья, ночную рубашку и беспроводные наушники. Точно соревнование устроили на лучший подарок.

– А мне – утюг, – отозвалась Дженис. – Тетя подарила.

София вспыхнула. Она собиралась рассказать про родителей, а не хвастаться подарками.

– Утюг?

– Да, чертов уродский утюг, – сказала Дженис. – И не просто чертов уродский утюг: он даже был не для меня. Я случайно узнала, что тетя купила его несколько дней назад. Я к ней приехала без предупреждения, и она, видимо, вышла из положения, как смогла. Еще такая: «Пригодится для твоих

платьев». Я платья с четырех лет не ношу.

В другой ситуации обе громко расхохотались бы. Но сейчас София только и смогла проговорить, как ей жаль. Дженис пожала плечами и достала из рюкзака помятую пачку сигарет. Закурила, сделала короткую затяжку.

– Прости. Я знаю, в последнее время тебе непросто, – сказала София. – Надеюсь, уютно хотя бы с отпаривателем?

Впервые за весь разговор Дженис улыбнулась.

– Понятия не имею.

На улице заметно похолодало, поэтому войти в теплый дом Холмсов было очень приятно. Девочки оставили пальто в прихожей и пошли на кухню налить себе чего-нибудь согревающего. Там, в углу, стоял Фил Холмс и разговаривал по телефону. Было непривычно застать отца Софии дома в такой час; он тоже не слишком обрадовался их появлению. Поднял руку в знак приветствия, выдавил улыбку и ушел в более тихое место. София успела расслышать часть разговора, прежде чем тот удалился в гостиную и его голос превратился в неразборчивое бормотание.

Когда девочки перешли в комнату Софии, Фил все еще говорил по телефону.

Некоторое время Дженис наблюдала за перемещениями Тони, который мирно плавал в аквариуме. София поняла, что подруга ушла в свои мысли, и принялась наводить порядок на письменном столе. Тут стоял ее новенький микроскоп.

– Зачем вы рассказали Киту? – вдруг спросила Дженис, не отрываясь от аквариума.

– Ты точно хочешь об этом говорить?

Дженис кивнула, по-прежнему не глядя на подругу.

– Это случайно вышло, – объяснила София. – Мы пришли к тебе домой, увидели закрытое окно и забеспокоились. Потом неожиданно пришел Кит, стал задавать вопросы, ну и... слово за слово, все открылось.

– Это Никки рассказала? – резко спросила Дженис.

Она обернулась; в ее глазах застыл вопрос. Было ясно: он уже давно не дает ей покоя.

– Мы все вместе.

– Да ладно тебе, София, не надо этих идиотских «все вместе». Я же не директор Лендерман. Никки делает все, чтобы держать меня подальше от тебя. Ты обычно такая умная, но иногда...

София не знала, что сказать. В глубине души она понимала: в словах Дженис есть доля правды. Но ведь во всех компаниях складываются свои симпатии, и если Никки больше привязана к Софии, это не значит, что она хочет отдалить от нее Дженис.

– Представь себя на нашем месте, – спокойно сказала София. – В школе говорили бог знает что. В том джипе с тобой могло случиться...

София не договорила. Одними глазами она умоляла Дженис сказать ей наконец всю правду.

Дженис выдержала взгляд подруги. На короткий миг в ней будто что-то перещелкнуло. Но Дженис была сильной девочкой.

– То, что произошло у нас с Диланом, – вызывающе сказала она, – было не в первый раз.

София не могла понять, правда это или провокация.

– Дженис, пожалуйста...

– Нет, – перебила ее Дженис. – Меня достали ваши проповеди. Вечно всем указываете, что хорошо, а что плохо. Всех судите.

Она подошла к двери. Открыла ее и обернулась.

– Передай Никки, если она еще раз на меня наедет, я ей в рожу дам.

И Дженис ушла.

За три месяца и три дня до исчезновения

Бишоп переживал распад группы особенно тяжело. Дружба с девочками была едва ли не главным счастьем в его жизни – и не только из-за общественного признания: он чувствовал, что они стали по-настоящему близки.

А теперь Дженис с ним даже не разговаривала. Пару раз он пытался к ней подойти, но она делала вид, будто не замечает его, и уходила. Теперь, когда репетиции прекратились, проводить время с Софией и Никки было все сложнее, а если и получалось, то над ними мрачной тучей висела ссора с Дженис, даже если они не говорили о ней напрямую. София – единственная, кому удавалось нормально общаться с Дженис, – считала, что пока пути назад нет. Никки уперлась рогом и винила во всем Дженис.

Тим тоже молча скорбел. Неудивительно, что в какой-то момент они с Бишопом решили: надо что-то делать. Идея пришла к ним одним серым утром на школьном дворе. Позже София назовет ее слишком рискованной, а Никки – самой дурацкой в истории мира. Не посвятить девочек в план сразу было ошибкой: им-то уж точно хватило бы здравого смысла их отговорить.

А план состоял в том, чтобы воздать Гаррету по заслугам. Как это поможет им помириться с Дженис, было не вполне ясно, но тем не менее.

Рассмотрев несколько вариантов, ребята решили привлечь Кита. Конечно, надо как следует продумать, как все подать. Если Кит хоть на секунду заподозрит, что Дилан распускал руки с его сестрой, ситуация может тут же выйти из-под контроля. Они скажут так: Дженис с Гарретом однажды целовались, а потом он начал ее динамить и говорить всякое у нее за спиной. Этого будет достаточно, чтобы Кит вмешался и принял меры.

Тим с Бишопом пришли на заправку, где работал Кит, в последнюю субботу февраля, то есть через два месяца после встречи у него дома, и сказали, что хотят поговорить о Дженис. Кит попросил напарника подменить его у колонок и отвел ребят за здание. Они сели на грязные скамейки в высокой траве, у туалетов. Кит сказал, что он в курсе: в их пятерке какой-то разлад. В зале для репетиций они больше не появляются, а Дженис собирает девчачью группу. Последнее стало для Тима и Бишопы ударом в спину, но они сделали вид, будто уже знают. Все трое сходились во мнении, что Дженис изменилась, а Кит гадал, не связано ли это с тем загадочным парнем, в которого влюблена его сестра.

Тут-то ребята и выступили со своей историей. Бишоп подал ее так, как репетировали. Услышав имя Дилана Гаррета, Кит изменился в лице. Он не был с ним знаком (по крайней

мере, так им показалось), но теперь у него наконец-то появилось имя, за которое можно зацепиться. Кит заверил ребят, что беспокоиться не о чем, попросил вести себя так, словно этого разговора не было, и поблагодарил, сказав, что они все сделали правильно.

В тот день Бишоп и Тим возвращались домой с грудью колесом и торжествующей улыбкой, как люди, уверенные в том, что изменили ход истории к лучшему. Гаррет получит по заслугам, и никто больше не посмеет смеяться над Дженис. Скоро все будет как раньше.

За три месяца и два дня до исчезновения

Как раньше уже ничего не будет.

Обеспеченная семья Гаррет жила в самом центре престижного района. Кит доехал туда на машине, остановился в паре кварталов, закурил и включил музыку. Возможно, ждать придется долго, но ему плевать – как и на то, что его могут увидеть.

Гаррет появился на своем внедорожнике в одиннадцать утра, но не один: на пассажирском кресле сидел еще один парень. Кит поехал вплотную за ними, желая привлечь к себе внимание; это ему удалось не сразу. Когда они выехали на пустынную улицу, Кит замигал фарами, и Гаррет наконец затормозил. Они с приятелем одновременно вышли из машины с угрожающим видом – возможно, притворяясь более разъяренными, чем были на самом деле. Стива Кэмп Кит раньше не видел и был поражен габаритами этого семнадцатилетнего парня. Гаррет тут же начал грубо наезжать на Кита.

Когда он вышел из машины, Гаррет и Кэмп недоуменно переглянулись. Перед ними стоял молодой человек лет на пять-шесть старше них, и хоть и уступал в размерах Кэмпу,

но был мускулистым и выглядел довольно грозно.

Кит снял свои зеркальные очки и зацепил за вырез толстовки.

– Я брат Дженис Хобсон.

Он ожидал увидеть в глазах Гаррета осознание, но напрасно.

– Кого? – Гаррет явно не понимал, о чем речь.

Кэмп стоял в полушаге позади него; этакий прыщавый телохранитель.

Кит кивнул на громилу:

– Может, Халк ее помнит?

Гаррет по-прежнему ничего не понимал. Кэмп наклонился и шепнул ему что-то на ухо. Дилан улыбнулся.

– А-а, эта, – нахально произнес он. – Я и забыл о ней.

Улыбка исчезла с лица Кита. Он резко нанес хлесткий удар в челюсть наглому ублюдку. Потом быстро шагнул вперед и несколько раз подряд ударил его сначала в живот, а затем по лицу. Дилан даже не успел понять, что происходит.

Когда очнулся Кэмп, было уже поздно: его перепуганный приятель валялся на земле, постанывая от боли. Кэмп стукнул Кита сзади; тот мгновенно развернулся к нему. Бугай замахал кулаками в воздухе; выглядело это комично, и Кит только усмехнулся.

Потом повернулся к Гаррету, который все еще лежал на земле с окровавленным лицом.

– Еще раз подойдешь к моей сестре, – Кит наставил на

него палец, – я тебя убью.

За три месяца до исчезновения

Дилан извлек из побоев максимум выгоды. Он разгуливал по школе лихой походкой, щеголяя фингалом под глазом, как боевым ранением. Официальная версия, которую разработали они со Стивом, звучала так: пришлось подраться с тремя парнями из Вирджинии из-за конфликта на дороге; это вы еще их не видели.

Дженис подозревала правду. Она не могла не заметить странного поведения старшего брата. Кит ни с того ни с сего снова начал задавать вопросы о таинственном парне из школы, который ей нравится. Дженис оставалась при своем и уверяла, что никакого парня нет, а ее бывшие друзья просто распускают глупые сплетни. Но Кит уже не верил ни единому ее слову.

Тогда Дженис набросилась на Софию и Никки; те отрицали, что имеют отношение к происходящему. Дженис перехватила их в спортзале, и, несмотря на попытки Софии объясниться по-человечески, они с Никки снова начали ругаться и говорить друг другу гадости. Учительнице пришлось вмешаться и оставить всех троих после уроков.

Целый час девочки молча сидели в библиотеке. Дженис то

смотрела в стену, то прикрывала глаза и барабанила пальцами по столу. За последние два месяца она стала выглядеть заметно хуже: похудела, кожа высохла, под глазами появились темные круги. Сначала София думала, что всему виной курение, но вряд ли оно сказалось бы так быстро. Скорее всего, дело в сочетании факторов – плохое питание, стресс... София очень переживала и не понимала, как заставить Никки обратить внимание на что-либо кроме ее собственной злости.

О стычке в спортзале узнали Бишоп и Тим. Сами они там не присутствовали, но выслушали около полудюжины рассказов очевидцев. Когда София изложила им свою версию, ни тот ни другой не решились признаться, что на самом деле виноваты они.

Бишоп и Тим поклялись больше никогда это не обсуждать. Их план обернулся полным провалом.

За два месяца и двенадцать дней до исчезновения

Наступила весна, но дни по-прежнему стояли холодные и дождливые. Каждое утро, просыпаясь и глядя в окно, София не могла отделаться от мысли, что в этой серой погоде есть нечто символическое: именно так она чувствовала себя с тех пор, как отдалилась Дженис. Каждое утро София отдергивала занавески в надежде увидеть солнце, словно ясный день исправил бы и все остальное.

На самом деле она понимала: вряд ли все наладится в ближайшее время. Но сидеть сложа руки, разумеется, не собиралась. Она решила покопаться во всем сама и начала расспрашивать ребят, которые ходили в автокинотеатр кататься на скейтах. Ничего полезного она не узнала, пока не пообщалась с Беном Гиллом – младшим братом Мэгги, самопровозглашенной девушки Дилана.

София с Беном пересекались на совмещенных уроках и неплохо ладили: друзьями они не были, но время от времени о чем-нибудь болтали. Кроме того, оба участвовали в одном проекте, посвященном климатическим изменениям. Они встретились в пустом классе на перемене. Когда София

сказала, что ей нужно обсудить с ним кое-что важное *наедине*, на лице Бена отразилась тревога.

– Мне надо понять, что произошло между Диланом и Дженис в автокинотеатре. Я знаю, ты там был – мне Бишоп говорил.

Бен побледнел. Он прекрасно помнил тот день: сестра дала ему четкие указания следить за Диланом. Гаррет был красавчиком, и к тому же из богатой семьи, поэтому все девчонки мечтали его заполучить и под любым предлогом ошивались рядом. Если Бен увидит такую разлучницу, он должен немедленно сообщить Мэгги.

– София, но я...

– Не трать мое время, Бен. Это важно.

Он кивнул.

– Я особо ничего не знаю. Дженис стояла в стороне, сначала ее никто не замечал, кроме меня. Кажется, потом Бишоп и этот его высокий друг ее увидели, но я точно не знаю. Дженис разговаривала со Стивом Кэмпом, потом с Диланом. Теперь все считают, будто у них что-то было.

София смотрела на него. Они были ровесниками, но Бен выглядел младше и по-прежнему говорил нежным, почти детским голосом.

– Ты сестре рассказывал?

Бен замотал головой.

– Я ей никогда ничего не рассказываю. Но Мэгги все равно узнала. Кто-то ей разболтал.

– Такое не первый раз происходит?

– Всегда одно и то же, – послушно отвечал Бен. – Девочки приходят одни или с подругами, но чаще одни. Сначала они с парнями стоят на парковке, а потом заезжают на машине за экран.

София сидела на парте, задумчиво раскачивая ногами.

Бен искоса на нее поглядывал.

– А что за девочки?

Он отвел глаза. Принялся рассматривать картинки на стенах.

– Я не трепло.

– Я знаю. Просто это может помочь.

Она снова болтала ногами. Бен сглотнул.

– Кроме Дженис я узнал только одну. Ее зовут Тамара. Мы не знакомы, но я ее видел в «Моллис». Мэгги там работает официанткой на летних каникулах. Тамара – дочь одной из сотрудниц.

София отлично знала весь персонал «Моллис»: этот ресторан принадлежал родителям Никки, Кэмпбеллам. София бывала там тысячи раз, с самого детства. Видимо, Тамара была дочерью кого-то из новеньких, потому что раньше она о ней не слышала. Надо будет спросить у Никки при встрече.

– Больше никого?

Бен покачал головой.

– Еще старшеклассницы вроде. – Он пожал плечами.

Тут дверь кабинета распахнулась. Оба вздрогнули, но Бен

сильнее.

– Вот ты где! – На пороге стояла Мэгги.

Когда она увидела, что брат не один, раздражение на ее лице тут же сменилось недоумением.

София широко улыбнулась и помахала ей рукой.

– Бен... – сказала Мэгги совершенно другим тоном, – я могу тебя еще подождать.

– Я уже все, – ответил тот.

Взял рюкзак и куртку, попрощался с Софией и с подавленным видом пошел к выходу. Мэгги по-прежнему стояла в дверях, и выражение лица у нее было такое, словно она увидела, как что-то ценное падает на пол и разбивается на тысячу осколков.

София осталась одна. Она думала о Дилане Гаррете, о Дженис, о Тамаре и других незнакомых ей девушках. Во время рассказа Бена у нее возникло ощущение, будто эти встречи в джипе не случайные, как она думала сначала, а запланированные.

София вспомнила день, когда Дженис попросила ее пойти с ней к Дилану. Она не говорила, что тот ее ждет. Это было совершенно спонтанное решение – по крайней мере, так показалось Софии. Не разозлилась она тогда, а пойдя с подружкой, насколько сейчас все было бы иначе, с сожалением подумала она.

София спрыгнула с парты и вышла из кабинета.

В коридоре было пусто. От гулкой тишины ей стало

неуютно, и она поспешила к своему шкафчику. Надо было кое-что захватить, а уйти из школы хотелось как можно скорее.

Подойдя к шкафчику, София увидела, что из дверной щели что-то торчит – совсем чуть-чуть, буквально на пару сантиметров. Бумажка, сложенная в несколько раз и с силой засунутая в щель. София потянула за уголок и медленно ее вытащила. Огляделась по сторонам – никого. Развернула записку. Почерк был торопливым, но разборчивым:

«В ДЖИПЕ ПРОИЗОШЛО НЕ ТО, ЧТО ТЫ
ДУМАЕШЬ.

ВСЕ НАМНОГО СЛОЖНЕЕ. НЕ ЛЕЗЬ В ЭТО».

За два месяца и двенадцать дней до исчезновения

Автор записки явно плохо знал Софию. Будь он хоть немного с ней знаком, понимал бы: она *ни за что* не останется в стороне, а после такого загадочного послания со скрытой угрозой – особенно.

София шла домой, бесконечно прокручивая в голове текст записки, анализируя каждое слово и перебирая все возможные версии, причем некоторые из них были совсем уж неправдоподобными.

**«В ДЖИПЕ ПРОИЗОШЛО НЕ ТО, ЧТО ТЫ
ДУМАЕШЬ».**

Автор знал, что произошло в джипе, – таков был очевидный вывод. Но Софию больше волновали выводы косвенные, а именно: автор знал, как думает она. Это обескураживало – чуть ли не оскорбляло, – ведь сама София не так уж часто задумывалась о подробностях встречи Дженис и Дилана. Они целовались? Зашли дальше? По обоюдному ли согласию?

«ВСЕ НАМНОГО СЛОЖНЕЕ».

Она что, предсказуема? Примитивна? Подобное заявле-

ние было для Софии сродни вызову.

«НЕ ЛЕЗЬ В ЭТО».

По дороге домой София ясно поняла одно: она выяснит, кто стоит за этой запиской. Ей не терпелось добраться до своей комнаты и вспомнить всех, с кем она общалась за последнее время. Кому-то ее расспросы явно не нравились.

План сорвался, как только она вошла в дом. Мама сидела в кресле; увидев Софию, она выпрямилась. Домашняя одежда, волосы убраны в пучок – сразу ясно, в офис она сегодня не ходила. Картина окончательно сбила Софию с толку, когда она увидела отца: тот стоял, прислонившись к камину, с чашкой кофе в руках.

При виде дочери оба резко заулыбались; выглядело это довольно комично.

– Привет, малышка, – непринужденно сказал Фил. – А мы тебя ждем.

София сняла пальто. Поставила рюкзак на пол и подошла к креслу напротив Кэролайн. Села и положила руки на подлокотники. Родители переглянулись, как актеры, забывшие слова на сцене.

– Вы разводитесь?

Ответ прозвучал в унисон:

– Что? Нет, конечно.

Нервные смешки. Снова переглядывания.

– Это было бы печально, – продолжала София, – но я бы поняла.

– Мы с мамой не разводимся, – твердо сказал Фил.

Он подошел и присел рядом с Кэролайн, словно в доказательство, что все еще ее любит.

– А что тогда?

– Папа переедет в комнату в конце коридора, – сказала Кэролайн.

София смотрела на них по очереди.

– Мы с мамой будем спать в разных комнатах, – объяснил Фил. – Я ужасно храплю, а дом такой большой, что...

– Пап, мне уже не восемь лет. Ты храпишь, как трактор, но мама давно привыкла. Может, разумнее все же развестись? Вряд ли при вашем финансовом положении вам нужен общий бюджет.

Фил молчал.

– Какая же ты у нас умная, – улыбнулась Кэролайн, – спасибо, что беспокоишься о нашем финансовом положении. Но дело тут не в деньгах. У нас с папой сейчас сложности в отношениях. Так бывает, когда пары долго живут вместе.

– И отдельные спальни эти трудности решат?

– Мы не знаем, – ответила Кэролайн. – Может быть. Просто сейчас мы с папой чувствуем, что нам обоим нужно немного пространства. Мы так решили и хотели тебе сказать.

– София, не подумай, будто нас не волнует твое мнение, – вступил Фил. – Мы с мамой все обсудили и поняли, что сейчас это лучший вариант. Хотим попробовать. Ты первая, кому мы рассказали.

София пожала плечами.

– Пойми правильно, – снова заговорила Кэролайн. – Мы не требуем от тебя поддержки, просто хотим, чтобы знала. Завтра привезут новую мебель, а потом приедут грузчики.

София отвела взгляд. Пытаясь успокоиться, назвала про себя все простые числа до сорока семи.

– Я все понимаю, – наконец сказала она. – Просто считаю, что это глупо.

– София...

– Прости, мам, но я так чувствую. Какая разница, в какой комнате будет спать папа? Нормальные люди ничего подобного не устраивают, а либо живут вместе, либо нет.

Кэролайн встала.

– Достаточно.

Фил мягко взял ее за локоть и попросил сесть. Она не послушалась.

– Тут нечего обсуждать.

– Может быть... – начал Фил. И осекся.

– Может быть – что? – Кэролайн испепеляла его взглядом.

Разговор вдруг перешел в личный конфликт. София молчала. Она знала, что у родителей проблемы. Более того, она догадывалась, в чем именно они заключаются. Ей было больно видеть, как с каждым днем папа и мама все больше отдаляются друг от друга, как перестают разговаривать, как проявления нежности становятся для них редким исключением...

Разбежаться внутри собственного дома по разным углам. Это и есть гениальное решение?

– Вечно одно и то же, – прервала их София. – Не понимаю, зачем вообще мне что-то рассказывать, если мое мнение все равно ничего не значит. Мне четырнадцать, не пять, я тоже здесь живу, и мою точку зрения можно бы и учитывать, разве нет?

Кэролайн вздохнула. Она снова села, наклонилась вперед и положила руки дочери на колени.

– София, я вовсе не имела в виду, что твое мнение ничего не значит. Возможно, ты права, и спать в разных комнатах – это полная глупость. Но мы с папой поговорили и решили, что сейчас это лучший выход.

София внимательно смотрела на Кэролайн, потом перевела взгляд на Фила; на его лице читалось совсем другое.

– Бывают случаи, – продолжала Кэролайн, – когда надо следовать своей интуиции, даже если боишься ошибиться. Если все же ошибешься – по крайней мере, ты попытался. Как мог. Не всегда главное то, что правильно *объективно*: часто важен именно наш субъективный взгляд на вещи, ты согласна?

София не отвечала. Не потому, что идея, которую пыталась донести до нее мама, была слишком сложной – они часто беседовали на серьезные темы; она пыталась понять, стоит ли продолжать говорить откровенно. Она снова быстро переглянулась с отцом, и на мгновение ей почудился в его

глазах проблеск понимания. Впрочем, в ту же секунду он исчез, так что, скорее всего, ей показалось.

– Пока попробуем так, – подытожил Фил. – Мы с мамой не собираемся спать в разных комнатах всю жизнь.

София кивнула:

– Я поняла. Это что-то вроде последнего средства.

– Вроде того, – хором отозвались родители.

За два месяца и одиннадцать дней до исчезновения

София проснулась раньше обычного и собралась за рекордное время. Она приготовила себе завтрак – яичницу и тосты – и торопливо все проглотила, пока не спустилась мама. У них была традиция завтракать вместе, и София пожалела, что сейчас придется ее нарушить. Она оставила на холодильнике записку для матери, придумав безобидный предлог, почему ей пришлось уйти раньше.

Быстрым шагом София прошла одиннадцать кварталов до школы. Она была на месте в четверть восьмого – на час с лишним раньше обычного. Подойдя к школьной парковке, она убедилась, что красного «шевроле-каприс» миссис Морган еще нет на обычном месте. Дороти Морган была административным директором школы и славилась своей пунктуальностью, поэтому София не удивилась, когда ровно в семь тридцать ее огромный автомобиль выехал из-за угла.

София, занявшая стратегическую позицию рядом с парковочным местом Дороти, помахала ей рукой. Миссис Морган вышла из машины и направилась прямо к Софии. Ее кудрявые волосы были еще пышнее обычного, а губы – красны-

ми, как ее автомобиль.

– София, что-то случилось? – Миссис Морган огляделась по сторонам и остановила взгляд на девочке.

– Я собиралась встретиться с Никки Кэмпбелл, но она проспала. – Словно в подтверждение своих слов, София показала мобильник.

Миссис Морган нахмурилась и неодобрительно покачала головой.

София пожала плечами.

– Ладно, пойдем внутрь. А то замерзнешь.

Они подошли к боковой двери – это был вход для сотрудников. Миссис Морган провела пропуском по считывающему устройству, и они вошли в узкий коридор, ведущий в общую зону, где стояло несколько рабочих столов. Вдоль одной стены тянулся ряд кабинетов. Угловой принадлежал миссис Морган.

София часто здесь бывала. Миссис Морган занималась ею, когда в начальных классах стало ясно, что интеллект у нее выше, чем у одноклассников. Со временем у них установились близкие и доверительные отношения.

Какой-то части Софии было не по себе от того, что она собиралась сделать.

Другая уверяла, что это совершенно безобидно.

Миссис Морган оставила вещи в кабинете и вышла сделать себе кофе. Вернувшись, она увидела, что София с отсутствующим выражением смотрит в окно.

– Хочешь пока в библиотеке посидеть?

София чуть помедлила.

– Отличная мысль.

Миссис Морган говорила не о главной школьной библиотеке, а о небольшом отделе, где хранились древние книги и ценные коллекции. София бывала там не раз и знала дорогу.

Но вместо того, чтобы свернуть в библиотеку, она прошла до конца коридора. Дойдя до последней двери, она обернулась, убедилась, что миссис Морган за ней не следит, и открыла дверь.

Ее встретил характерный гул серверов. Вдоль одной стены стояли в ряд небольшие мониторы с изображениями с камер наблюдения. В центре был экран побольше.

София не первый раз сидела за панелью управления. Она несколько раз нажала на одну клавишу. Изображение на главном экране изменилось.

Управление было достаточно простым.

Нажатием клавиши София меняла камеры, пока на главном мониторе не появился главный коридор. Ее шкафчик был прямо на виду. Она начала перематывать запись назад на максимальной скорости. В коридоре вдруг стало темно, потом снова зажегся свет. Минут через пять София дошла до того места, где она нашла записку, засунутую в шкафчик. Она остановила перематку прямо на том моменте, где она вытащила бумажку и посмотрела по сторонам, не следят ли за ней.

Быстро промотала еще на час назад. Школьники носились туда-сюда на сверхскоростях, как супергерои.

София остановила изображение. Записки не было.

Промотала на полчаса вперед. Записка появилась как по волшебству.

София пустила видео с нормальной скоростью. Ученики приходили и уходили, кто-то останавливался у шкафчиков, другие шли мимо. Многих она узнавала. Появился Бишоп и встал у двери в кабинет, словно кого-то ждал. Постоял две-три минуты и ушел.

Суэта в коридоре продолжалась, а записки все не было. Если София верно подсчитала, тот, кто ее подложил, появится на экране меньше чем через две минуты. Можно было немного промотать вперед, но она решила смотреть на обычной скорости.

Совсем рядом находился кабинет номер 5, и оттуда вдруг повалила толпа учеников. София испугалась, что в этой суматохе не разглядит, кто подсунул записку. Двое высоких парней остановились поболтать прямо перед камерой и загородили ей вид на шкафчик. София схватилась за голову.

– Да отойдите вы!

Парни не просто не отошли: к ним присоединился еще один, и они начали по-дружески толкаться и гоготать. Теперь их было трое. Ширма из людей, за которой...

И тут из-за спины правого парня показалась чья-то рука. Размытая белая кисть пыталась запихнуть бумажку в двер-

ную щель шкафчика. София не видела, кому она принадлежит, не могла даже понять, чья это рука – взрослого или подростка. Мальчика или девочки. Может быть, потом получится остановить запись и внимательно все рассмотреть, но сейчас она не отрываясь следила за происходящим. Если бы парни отошли, хоть немного...

– Да чтоб вас! – пробормотала она.

Парни задвигались. Рука исчезла. Еще пара секунд, и...

Дверь комнатки распахнулась; София чуть не вскрикнула.

– София? Я думала, ты пошла в библиотеку. – На пороге стояла миссис Морган. В ее голосе звучало явное неодобрение.

София выдавила улыбку.

– Да, миссис Морган. Просто дверь была открыта, и мне стало интересно.

Видео на экране продолжалось. Парни расступились, а прямо за ними удалялась чья-то фигура. София, повернувшись к Дороти Морган, боковым зрением следила за монитором.

Миссис Морган не двигалась. Она не сказала Софии уйти, но та и сама все понимала.

Она встала со стула. Не скрываясь, потянулась к клавиатуре, чтобы вернуть изображение в реальном времени. Но прежде она успела разглядеть фигуру, удаляющуюся от ее шкафчика.

София не могла осознать, что же она только что увидела.

Офисы газеты «Хоукмун оверфлай» напоминали вымирающих животных, вынужденных покинуть естественную среду обитания. Изначально они занимали все здание на пересечении Мэйн-стрит и Бернارد-стрит, напротив парка мэрии – три кирпичных этажа, где в лучшие времена находились офисы для шестидесяти с лишним сотрудников и архив, гордость целого региона. В девяностые, когда «Оверфлай» еще был на высоте, собственники не устояли перед искушением продать первый этаж здания. Знаменитый угол заняли аптека «Волгринс» и магазин ковров.

«Оверфлай» к тому времени уже начал неспешно и почти незаметно сокращать штат, так что редакции места хватало. Архив был оцифрован, офисы с помощью небольшого ремонта уменьшены – совсем чуть-чуть, – и мир продолжал вращаться.

Ситуация начала ухудшаться с наступлением нового тысячелетия. Тиму, который тогда только устроился в газету младшим редактором, приходилось наблюдать, как дела с каждым днем идут все хуже. «Хоукмун оверфлай», как и множество других новостных изданий, напоминал боксера, который только пытается подняться, как новый удар тут же сбивает его с ног. Сколько они еще продержатся? Продажи падали с каждым годом, спонсоры искали новые площадки

для рекламы, а цифровой формат оставался заманчивой перспективой, которая все никак не становилась реальностью. Семья Романи, владевшая газетой с самого основания, продолжала искать способы удержать ее на плаву. Одна из самых крупных и влиятельных адвокатских контор в городе, «Бентли энд Литтл», въехала на третий этаж здания, заняв сначала пятьдесят процентов пространства, а затем и все семьдесят пять.

Тим не питал иллюзий по поводу будущего. Из всех бед последних десятилетий он не мог предвидеть только одной – она подобралась слишком близко, как тайный враг. В кабинете у Тима висел постер, оставшийся ему от бывшего начальника и друга, Фрэнка. Надпись на нем гласила: «ПРАВДА БЕСЦЕННА, ПОЭТОМУ МЫ ЕЕ ДОЗИРУЕМ». Фрэнк эта фраза так забавляла, что он цитировал ее другим, словно собственное изречение. Тим оставил ее на старом месте, так как она напоминала ему о Фрэнке и о временах, когда правда имела значение – о ней даже можно было шутить. Сегодня правда превратилась в дряхлое существо, брошенное в доме престарелых, на которое всем плевать. Это и стало последним ударом для Тима – вырождение правды.

Тим вошел к себе в кабинет с кружкой кофе в руке. Огляделся вокруг и покачал головой, не слишком довольный увиденным. Почти час он пытался привести в порядок полки и письменный стол, но в кабинете по-прежнему царила атмосфера обветшалости и запустения. Мебель в офисах не ме-

няли уже очень давно. Редакция могла позволить себе лишь изредка подкрашивать стены.

Тим поставил кружку на стол и тяжело сел. Стул заскрипел. Как ребенок, который нарочно продолжает делать то, что нельзя, Тим принялся раскачиваться взад-вперед под эти жалобные звуки. Потом вздохнул, глотнул горячего кофе и на мгновение почувствовал себя лучше. Он взглянул на фотографию Ингрид и Бренды, которую сделал ровно пять лет и один день назад. Было время, когда он хотел ее убрать, но все же решил оставить на столе.

Ровно через тринадцать минут дверь открылась, и в кабинет заглянула Марша Хенвик; на ней лица не было. Марша работала в «Оверфлай» задолго до того, как туда пришел Тим. С поразительной ловкостью и быстротой она писала статьи на любые темы (кроме событий, связанных с насилием: она говорила, что слишком стара для таких ужасов). Ей уже пора было на пенсию, и последние пять лет она заявляла, мол, этот год – точно последний. Газета была ее жизнью. С Тимом их связывало не только глубокое профессиональное уважение: он был ей почти как сын.

– Здесь Камила Джонс! – Марша была в таком шоке, словно только что пережила близкий контакт третьей степени. – Не... может... быть, – добавила она одними губами.

– Я говорил, что она придет, – невозмутимо ответил Тим, вставая из-за стола.

Марша во все глаза смотрела на него и качала головой, не

в силах поверить в происходящее.

– Пригласи ее сюда, пожалуйста.

Через минуту в кабинет вошла Камила. Увидев ее, Тим понял Маршу. Камила ушла в отставку на пике славы, и ее появление здесь, в загибающейся городской газетенке, было событием на грани фантастики.

– Любопытно. – Камила указала на фразу на стене.

Тим пожал плечами.

– Наследство от бывшего босса. Раньше было смешно. – Тим посмотрел на постер. – Надо, наверное, снять... Присаживайтесь!

Камила села, продолжая оглядываться по сторонам.

– Кофе? Боюсь, мате у нас нет.

Она улыбнулась.

– Кофе подойдет. Спасибо.

Вернувшись с кружкой для Камилы, Тим обнаружил, что журналистка разглядывает фотографию его жены и дочери.

– Я узнала о вашей трагедии уже после звонка, – объяснила она. – Иначе не предложила бы встретиться вчера. Простите.

– Ничего страшного. Вы же не знали, что вчера была годовщина.

Дату 28 марта 2014-го Тим не забудет никогда. Ингрид вела машину по горной дороге и потеряла управление; машина упала со скалы и взорвалась; Ингрид и Бренда, ехавшая на пассажирском сиденье, погибли. Они были в ста с лиш-

ним километрах от дома, и Тим понятия не имел, куда они направлялись.

– Когда это случилось, я сидел здесь, – сказал Тим. – Каждую годовщину я хожу на кладбище и провожу там несколько часов, вспоминая моменты из нашей жизни – отчасти, чтобы ничего не забывать. Это единственный день в году, когда я разрешаю себе с ними поговорить. Я имею в виду, поговорить так, словно они живы. Звучит странно, я знаю...

– Ничуть. Нет правила, как нужно справляться с горем. Тим кивнул.

В офисе было оживленнее обычного. Очевидно, Марша разнесла весть о том, что в редакции Камила Джонс, и все немногочисленные сотрудники захотели убедиться в этом лично. Тим подошел к двери и закрыл ее. Обернувшись, ощутил внезапный прилив смелости.

– Теперь вы мне скажете, миссис Джонс? Скажете, почему решили принять мое предложение?

Она внимательно посмотрела на него.

– Винс Народицкий расследует дело Софии. Он займет мое место в «Бремени правды».

– Вот это новости. Ну, то есть я слышал, будто Народицкий занимается расследованием, но не знал, что он теперь работает на «Бремя правды».

– Пока никто не знает. И, скажем так, Винс Народицкий – не самый симпатичный мне человек в мире. Я рассчитываю на вашу скромность.

– Разумеется.

Камила не была готова раскрывать свои истинные мотивы. С другой стороны, появление Народицкого на горизонте действительно подтолкнуло ее в верном направлении, так что отчасти она говорила правду.

– Тим, у меня дома вы сказали, что сами видели Софию в тот день. В ваших записях я об этом ничего не нашла.

Тим вздохнул. Помедлил несколько секунд, прежде чем ответить.

– Двое молодых ныряльщиков засняли Софию с моста. Один из них, Энтони Чармс, был в шлеме с камерой GoPro. На видео перед одним из его прыжков на секунду видно девушку в светлом платье, вероятно, в голубом – именно такое было в тот день на Софии. Фил Холмс ее опознал, и несколько друзей тоже. А вот Кэролайн была не уверена, что эта девушка – ее дочь.

Тим отодвинул ноутбук и расчистил стол. Взял ручку, степлер, стопку стикеров и разложил их в ряд на равном расстоянии друг от друга.

– Ручка – это торговый центр, куда София пошла с друзьями, а степлер – мост Катенари.

Тим провел пальцем от степлера к стикерам.

– В тот день я видел Софию вот здесь. Примерно через триста метров после моста. Возможно, она остановилась посмотреть на ныряльщиков, но потом абсолютно точно пошла дальше.

– Вы с ней говорили?

– Нет. Я видел ее из машины. Я живу там совсем рядом. Камила задумалась.

– Шериф Холт об этом знает?

– Да.

– И все же полиция продолжает придерживаться версии о самоубийстве, – отметила Камила. – Интересно.

Она достала из сумки записную книжку. Пролистала несколько страниц.

– Расскажите мне о супругах Холмс, – попросила она. – В своих статьях вы почти не касаетесь их частной жизни.

Это комплимент или она в нем сомневается?

– Фил и Кэролайн познакомились, когда им было по пятнадцать, – начал Тим. – Очень скоро начали встречаться. Их близкие в один голос говорят, что история любви Холмсов – это встреча родственных душ.

– И тем не менее в последний год у них случился кризис.

– Верно. Они решили спать в разных комнатах. Насколько я знаю, дальше дело не зашло. Думаю, они пытались сохранить брак.

– Я нашла в сети несколько статей о романе Фила с некоей Тиной Кертис, девушкой намного младше него. Но вы об этом ничего не писали.

Тим пошевелился на стуле: ему явно стало не по себе.

– Да, у них был роман, – ответил он. – Я точно знаю. Но в тот момент подумал, что это не имеет отношения к делу.

Я и сейчас так считаю. В последние годы наша профессия сводится к тому, чтобы копаться в прошлом и обнародовать все, что найдется. Абсолютно все. И, честно, я от этого устал. Интрижку Филя использовали просто для того, чтобы подорвать к нему доверие.

– А вы ему доверяете?

– Во всем, что касается Софии, – да. Фил не может быть причастен к ее исчезновению. Он обожает свою дочь. И у него железное алиби. И потом, как я уже говорил, я с ним немного знаком. А мой брат знаком с ним очень даже близко.

– А если София убежала из дома из-за кризиса родителей? Разве в таком случае эта интрижка не имела бы отношения к делу?

Тим потер подбородок. Неизбывная печаль, которая временами проступала в его глазах, появилась снова.

– Вот что я думаю. Если София действительно ушла из дома, то из-за чего-то посерьезнее, чем семейный кризис. И неважно, изменял при этом Фил или нет. Я слышал об этой девочке удивительные вещи – например, что она не по годам взрослая. Уверен, она бы пережила развод родителей. Даже не удивлюсь, если она сама поддерживала это решение. Поэтому ответ – нет, я не считаю, будто интрижка Филя имеет отношение к делу.

– Возможно, стоит покопаться в этом еще немного, – проговорила Камила.

Тим понял, что это не предложение.

– Возможно.

– Не принимайте на свой счет.

– Конечно нет. Но я точно знаю: Фил делает все возможное, чтобы найти свою дочь.

Он поискал что-то в компьютере. И, не отрывая глаз от экрана, добавил:

– И еще я точно знаю, что он врет.

Тим развернул ноутбук так, чтобы Камила видела экран. Там была фотография мужчины, выходящего из машины. Снимок был сделан с другой стороны улицы, очевидно, тоже из автомобиля. Мужчина вылезал из темного седана; он был в очках, с роскошными усами в форме подковы (вероятно, накладными) и в шапке. Это мог быть кто угодно. Камила выжидающе посмотрела на Тима.

– После того как пропала София, за Филом следил один из моих ребят. – Тим махнул рукой в сторону редакции. – Полиция как-то слишком быстро решила, что он ни при чем, и мне стало интересно, все ли там чисто. Он встречался с этим типом в какой-то забегаловке в Джексонвилле. Разговор был недолгим, потом усач уехал на электричке. Проследить за ним не удалось.

Тим снова повернул ноутбук к себе и начал что-то искать.

– Я об этом забыл, – продолжал он, двигая мышкой по столу, – а на прошлой неделе вдруг наткнулся на одну новость... Вот она.

Камила увидела на экране статью из «Миннесота дейли»: на фотографии был мужчина в наручниках в сопровождении полиции. Около пятидесяти лет, густая шевелюра темных волос и роскошный зачесанный чуб. Усы в форме подковы.

– «Грегг Стайнер арестован за убийство», – прочла Камила вслух. – Имя как будто знакомое, где я могла его слышать?

– Семь лет назад у него похитили восьмилетнюю дочь. Искали неделю и нашли расчлененной на пустыре. Никого так и не задержали, дело просто заглохло.

– Кого он убил?

– Арлисса Тарбака – его обвиняли в изнасиловании семнадцатилетней девушки, тоже в Миннесоте. В первой инстанции Тарбака осудили, но он подал апелляцию, и адвокату удалось оспорить сохранность вещественных доказательств. Тарбак вышел на свободу. Там был целый скандал, по крайней мере на местном уровне – митинг и все такое. Это было два года назад. Тарбак уехал на западное побережье. Грегг Стайнер стал его искать, нашел и убил в гостиничном номере. Он прокололся на какой-то покупке с кредитки – так его и поймали.

– Убийцу его дочери не нашли, и он решил отомстить за другую девочку.

– Именно.

– А теперь мы знаем, что Стайнер встречался с Филом Холмсом вскоре после исчезновения Софии.

– Верно. Я думаю, Стайнер на него вышел и рассказал свою историю. Возможно, Фил решил, что у него есть опыт в подобных делах, и согласился с ним встретиться.

– В такой ситуации хватаешься за что угодно, – согласилась Камила. – И вы считаете, Стайнер мог убить Дилана

Гаррета по просьбе Фила Холмса?

– Не думаю, что Фил пошел бы на такое. Если Дилан был как-то связан с исчезновением Софии, его смерть свела на нет все шансы это выяснить.

Несколько секунд Камила размышляла.

– Либо он сделал это на свой страх и риск, либо пытался выведать, знает ли что-то Дилан, и потерял контроль над собой.

Тим тоже об этом думал, но на теле Гаррета не было следов пыток – только точный удар молотком по затылку. Скорее всего, он даже ничего не подозревал.

– Есть еще кое-что, – сказал Тим. – Фил ведет переговоры о продаже своей логистической компании. По словам моего источника, он явно хочет сделать это побыстрее.

Камила знала, что после исчезновения дочери Холмс с головой ушел в работу. Теперь, когда его жена впала в кому, защитные механизмы у него словно поменялись на противоположные. Решение о продаже казалось бессмысленным.

– Фил Холмс что-то скрывает, – задумчиво произнесла Камила.

Тим молча кивнул.

Вдруг раздался легкий стук в дверь. Через полупрозрачное стекло отчетливо просматривался силуэт Марши. Тим, который не помнил, чтобы она стучала в дверь хоть раз с тех пор, как он стал главным редактором, пригласил ее войти. Марша просунула голову в дверь, извинилась и со всей се-

рьезностью спросила, не нужно ли Тиму чего-нибудь – еще кофе, например. Потом она оглянулась на Камилу, и уголки ее губ слегка изогнулись вверх. Тим сказал, что он в полном порядке, но в любом случае – спасибо. Марша кивнула и пару секунд молча постояла в дверях. Потом она ушла.

Камила сидела в задумчивости.

– О чем вы думаете?

– Я хочу как можно скорее пообщаться с Холмсом.

– Фил больше не хочет говорить с прессой. А если ему в голову что-то стукнуло...

– Со мной он поговорит, – оборвала его Камила. – Не сомневайтесь.

Тим внимательно смотрел на нее.

– Наверное, можно попробовать.

Камила поискала что-то в своей книжечке.

– Давайте еще раз пройдемся по тому дню, когда Кэролайн Холмс получила записку.

– Да, конечно.

– Она встает позже обычного и около одиннадцати утра находит записку, прибитую гвоздем к входной двери. Никто из соседей не видит, что там написано. Кэролайн теряет самообладание, предположительно, из-за содержания записки. Это замечает соседка, Марлен Джонсон. Она спешит на помощь и начинает ее успокаивать. Потом Кэролайн возвращается в дом через заднюю дверь.

– Все верно. Видимо, главная дверь была заперта, а ключи

она не взяла.

– Через час сорок Марлен пишет Кэролайн сообщение, мол, все ли в порядке. Двадцать минут спустя, не получив ответа, она решает сходить к ней сама и находит тело Кэролайн в саду. Нам известно, что это случилось в 13:02, так как Марлен сразу же позвонила в 911. Тут появляется Фил Холмс – ровно в ту минуту, когда Марлен заканчивает разговор. Он часто приходит с работы в середине дня?

– Нет, никогда. Он сказал, что хотел поговорить с женой после вчерашней ссоры. Полиция приехала раньше «скорой помощи».

– Когда приехала полиция, гвоздь еще был в двери?

Вопрос удивил Тима.

– Да.

– На какой высоте?

Тим улыбнулся. Гениальный вопрос.

– Метр пятьдесят.

Камила сделала пометку в своей книжечке. Высота метр пятьдесят никак не совместима со взрослым человеком.

– Что было в записке?

– Фил уверял полицию, что никакой записки не видел, поэтому логичнее всего предположить, что Кэролайн ее сожгла, выбросила или где-то спрятала.

– Я определенно хочу как можно скорее пообщаться с Холмсом.

Ей нужно съездить на то место, где убили Дилана Гаррета. Также, заявила Камила растерянному Тиму, она хочет побывать в комнате Софии – в конце концов, именно там девочка проводила большую часть времени. Сначала Тим подумал, что Камила шутит, но выражение ее лица не менялось, и он понял: она говорит серьезно. До сих пор в комнату Софии не заходил ни один журналист, а в прессу не попало ни одной фотографии. Тим вовсе не был уверен, что громкое имя Камилы заставит Фила изменить позицию на этот счет, но решил не возражать.

На улице Камила объявила, что они поедут на ее машине. В нескольких метрах перед зданием стоял «мерседес» с откидным верхом; на Макгиннесс-стрит он привлекал не меньше внимания, чем космический корабль. Камила и Тим еще не подошли к автомобилю, когда его мягкий верх вдруг пополз вниз по команде пульта управления. Стоял серый мартовский день, на улице было не больше пятнадцати градусов, и Тим подумал, что Камила открыла верх по ошибке. Но она села за руль, а крыша по-прежнему была убрана.

– Да ладно вам, Тим, вы же видели мой дом – я живу в стеклянной коробке. Думаю, это, – Камила указала пальцем на открытый верх, – не должно вызывать вопросов.

Тим молча сел в машину. «Мерседес» тронулся.

На ближайшем перекрестке Камила повернулась к молодому журналисту:

– Вы правда не знали? Даже в «Википедии» написано, что у меня клаустрофобия.

– Я думал, может, это в прошлом.

– Нет. Правда, на Королевском острове мне стало лучше. Я живу с этим расстройством больше двадцати пяти лет, поэтому сложно сказать, справляюсь ли я с ним или просто привыкла.

Камила улыбнулась. Машина снова тронулась вперед.

– У меня свои пунктики, – уже серьезно объяснила Камила. Они ехали по Мэйн-стрит на север; из-за ветра температура казалась на два-три градуса ниже. – Извините, но закрытые машины для меня не вариант.

– А самолеты?

– Последний раз я летала больше десяти лет назад, в Лос-Анджелес. Пьяная в стельку.

Тим неловко улыбнулся. Сделал вид, будто рассматривает впечатляющую приборную панель «мерседеса», хотя машинами он интересовался не больше, чем Камила – лифтами. Для Тима автомобиль был просто средством передвижения – и причиной гибели его жены и дочери.

Через несколько минут они подъехали к смотровой площадке рядом с мостом Катенари. Там была зона отдыха – несколько деревянных столов в плачевном состоянии, общественный туалет и пара чудом уцелевших шезлонгов. По-

ка поднималась мягкая крыша «мерседеса», Камила и Тим смотрели на озеро Гордон, проглядывающее сквозь деревья на склоне. Тим предложил оставить машину здесь и дойти до места, где нашли Дилана, пешком. Камила никогда не бывала на мосту Катенари и не слышала связанных с ним историй о самоубийствах. Тим однажды написал об этом целую статью – что-то вроде мифов и фактов о мосте, уже тогда имевшем дурную славу, – причем большая часть ходивших по городу историй относилась именно к мифам.

Спустившись по склону, они вышли к реке Дуглас, которая здесь была широкой и мелководной. Камни торчали из воды, как огромные кривые зубы. Наверху, почти в пятидесяти метрах, висел железный мост.

Переступая по камням, между которыми журчала вода, Камила зашла в реку и посмотрела вверх. Представила Софию, стоящую на мосту, – крохотная фигурка на фоне серого неба. Сама мысль казалась неправдоподобной.

Камила обернулась. Тим качал головой.

– Бессмыслица какая-то, правда?

– Полная.

– Рада, что мы на одной волне. – Проверая каждый камень, прежде чем на него наступить, Камила вернулась на берег.

Через полчаса они стояли на том месте, где Дилан Гаррет получил удар молотком по голове.

В этой части озера Гордон не было ничего примечатель-

ного, кроме того, что сюда почти никто не ходил. Трава и деревья росли здесь почти до самого берега. Возможно, именно поэтому Дилан всегда выбирал это место для рыбалки. Почти каждое воскресенье он приезжал сюда на своем джипе с рыболовными снастями и два-три часа сидел на берегу – всегда один и, как правило, без улова. Камилу поразила такая неожиданная особенность наглого парня, который любил находиться в центре внимания. Всем диланам гарретам мира необходимо постоянно быть среди людей, самоутверждаться за их счет; одиночество для них невыносимо. А Дилан уезжал побыть один, вдали от всех. Интересно, о чем он думал в те бесконечные часы? И о чем подумал в тот миг, когда убийца подкрался к нему со спины и нанес смертельный удар молотком?

Гибель Дилана была звеном в длинной цепи событий, начавшейся недалеко отсюда, в старом автокинотеатре, когда этот семнадцатилетний парень занялся сексом с Дженис Хобсон, которой тогда было четырнадцать.

Через без малого восемь месяцев на Дилана напали со спины. Полиция задержала Кита Хобсона, старшего брата Дженис, и предъявила ему обвинение в убийстве. Шериф Хоукмуна говорил, что дело прозрачное и Хобсон точно будет осужден за убийство Гаррета. Он ведь уже нападал на него – избил посреди улицы и пригрозил: «Еще раз подойдешь к моей сестре – я тебя убью». Его слова подтвердили двое свидетелей.

Человек по имени Дэвид Фрай, владелец студии звукозаписи, утверждал, будто Хобсон сам говорил ему, что еще разберется с Гарретом и на этот раз все будет куда серьезнее. По словам Фрая, Хобсон был пьян, но не настолько, чтобы не соображать, что говорит.

Хороший адвокат сумел бы убедить судью, что все это абсолютно ничего не доказывает. Пока нет ни одного вещественного доказательства, осудить Хобсона не могут. Все изменилось, когда полиция обыскала его дом и нашла куртку со следами крови. Крови Дилана Гаррета.

В виновности Кита Хобсона почти никто не сомневался. Некоторые даже восхищались его жаждой справедливости. Достаточно было посмотреть на фотографии в прессе: татуировки с черепами, взъерошенные волосы, мрачный взгляд. Настоящий преступник.

– Вы думаете, это Хобсон его убил?

– Если честно, не знаю. В таком случае Хобсон не мог не понимать, что за ним придут. Уверять, что был дома один, не обеспечить себе алиби? Бред какой-то. Так мог поступить только очень глупый человек.

Камила повернулась к нему.

– А куртка с кровью?

Тим пожал плечами.

– Он утверждает, что это кровь еще от той драки с Гарретом несколько месяцев назад, и с тех пор он эту куртку не надевал.

– Довольно очевидно... – Камила осеклась. Она смотрела куда-то вправо.

Тим проследил за ее взглядом.

На тропинке стоял какой-то парень и наблюдал за ними. Здоровяк со спортивной сумкой на плече. Тим сразу его узнал, хотя никогда с ним не общался. Он напрягся и вспомнил его имя.

– Стив, верно? Ты был лучшим другом Дилана.

Стив Кэмп не отвечал. Он переводил взгляд с Тима на Камилу и обратно, словно пытаясь осмыслить увиденное.

– Вы та женщина из телевизора, – наконец проговорил он.

Камила поняла, что парень совершенно сбит с толку, и сделала несколько шагов к нему. В совпадения она не верила и не собиралась отпускать его, не выяснив, что он делает там, где восемь месяцев назад убили его друга.

– Меня зовут Камила Джонс. А это Тим Доэрти, главный редактор «Хоукмун оверфлай». Мы журналисты.

Ноль реакции. Стив по-прежнему пялился на них как на пришельцев.

– Я пытаюсь выяснить, что случилось с Диланом, – продолжала Камила. Она подошла еще чуть ближе. – Можно тебя спросить, Стив? Что ты здесь делаешь?

Снова недоверчивый взгляд.

– А вы?

– Мы расследуем гибель Дилана. А также исчезновение Софии Холмс.

В глазах Стива блеснул огонек. Игроком в покер ему не стать.

– Я тут живу недалеко. – Стив махнул на запад. – Сюда каждый день прихожу. – В его голосе зазвучало возмущение. – Когда Дилана только убили, сюда все таскались... а теперь – как будто его и не было.

Тим молча перебирал в голове все, что помнил о Стиве Кэмпе. Помнил он немного. Стив был типичным прихвостнем – всегда на втором плане, но даже рад этому: в школе его все знали как друга Дилана Гаррета. После смерти Дилана его существование в школе утратило смысл. А возможно, и за ее пределами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.